

**Военные
В.П. приключения**

ПОД ЧУЖИМ ЗНАМЕНОМ

Георгий Леонидович Северский

Игорь Яковлевич Болгарин

Под чужим знаменем

Серия «Адъютант его превосходительства», книга 1

Серия «Военные приключения»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141295

Адъютант его превосходительства. Под чужим знаменем: Вече; 2005

ISBN 978-5-4444-7832-5

Аннотация

1919 год. Войска Деникина как волны захлестывают Украину, рвутся к Харькову, Киеву, Орлу... И в это время у генерала Ковалевского появляется новый адъютант – капитан Павел Андреевич Кольцов. Знаменитый роман (как и снятый по нему телевизионный фильм) давно и по достоинству оценен любителями остросюжетной литературы.

Содержание

Часть первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	15
Глава третья	29
Глава четвертая	37
Глава пятая	45
Глава шестая	56
Глава седьмая	60
Глава восьмая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Игорь Болгарин, Георгий Северский

Адъютант его превосходительства

Под чужим знаменем

Часть первая

Глава первая

Весна девятнадцатого началась сразу, без заморозков.

Уставший за два года, продутых сквозняками жестоких и неслыханных военных и политических перемен, Киев вдруг повеселел, наполнился шумом и гомоном людских голосов. В домах пооткрывались крепко заколоченные форточки. И все пронзительней и явственней повеяло каштановым запахом.

Выйдя из вагона, Павел Кольцов понял, что приехал прямо в весну, что фронтовая промозглость, пронизывающие до костей ветры, орудийный гул и госпитальные замороженные стены – все это осталось там, далеко позади. Некоторое время он растерянно стоял на шумном перроне, глядя куда-то поверх голов мечущихся мешочников, и они обтекали его, как тугая вода обтекает камень. Жадно вдыхал чуть-чуть горьковатый, влажный от цветения воздух.

Город удивил Павла красотой и беспечностью. Киев жил еще по законам «старого времени» – только-только установилась советская власть, и она, видимо, еще чувствовала себя растерянной перед теми порядками, что давно утвердились в «матери городов русских».

Сверкали витрины роскошных магазинов, мимо которых сновали молодые женщины в кокетливых шляпках. За прилавками многочисленных ларьков стояли сытые, довольные люди. Из ресторанов и кафе доносились звуки веселой музыки.

По Владимирской, украшенной, словно зажженными свечами, расцветающими каштанами, неспешными вереницами тащились извозчики: одни – к драматическому театру, другие – к оперному. Сверкнул рекламой мюзик-холл. На углу Фундуклеевской Кольцов сошел с трамвая и, спустившись к Крещатику, сразу попал в шумный водоворот разношерстной толпы. Кого только не выплеснула на киевские улицы весна девятнадцатого года!

Высокомерно шествовали господа бывшие действительные, титулярные и надворные советники, по-старорежимному глядя неукоснительно прямо перед собой; благодушно прогуливали своих раздобревших жен и привядших в военной раструске дочерей российские помещики и заводчики; прохаживались деловито, поблескивая перстнями, крупные торговцы. Тут же суетились в клетчатых пиджаках бравые мелкие спекулянты, жались к подъездам раскрашенные девицы с застывшими зазывными глазами. С ними то нехотя, с ленцой, то снисходительно, по-барственному, перебрасывались словами стриженные «под ежик» мужчины в штатском, но с явной офицерской выправкой.

Вся эта публика в последние месяцы сбежалась со всех концов России в Киев к «щирому» гетману Скоропадскому под защиту дисциплинированных германских штыков. Но и незадачливый «гетман всея Украины», и основательные германцы, и пришедшие им на смену петлюровцы в пузырьчатых шароварах не усидели, не смогли утвердиться в Киеве, сбежали. Одни – тихо, как германцы, другие – лихо, с надрывом, с пьяной пальбой, как петлюровцы. А те, кто рассчитывал на их надежную защиту, остались ничейными, никому не нужными и вели теперь странное существование, в котором отчаяние сменялось надеждой,

что это еще не конец, что еще вернется прежняя беспечальная жизнь – без матросов, без продуктовых карточек, – что вызывающе-красные знамена на улицах – все это временно, временно... Тишайшим шепотком, с оглядкой, передавались новости: на Черноморском побережье высадились союзники, Петлюра – в Виннице! Да-да, сами слышали – в Виннице! И самая свежая новость – Деникин наконец двинулся с Дона и конечно же скоро, очень скоро освободит от большевиков Харьков и Киев.

Кольцову казалось, что он попал на какой-то странный рынок, где все обменивают одну новость на другую. Он брезгливо шел по самому краю тротуара, сторонясь этих людей. Взгляд его внимательных, слегка сощуренных глаз то и дело натывался на вывески ресторанов, анонсы варьете, непривычные еще афиши синемаатографа. В «Арсе» показывали боевик «Тюрьма на дне моря» с великолепным Гарри Пилем в заглавной роли. «Максим» огромными, зазывными буквами оповещал, что на его эстраде поет несравненная Вера Санина. В варьете «Шато» давали фарс «Двенадцать девушек ищут пристанища». На углу Николаевской громоздкие, неуклюжие афиши извещали о том, что в цирке начался чемпионат французской борьбы, и, конечно, с участием всех сильнейших борцов мира. Кондитерская Кирхейма гостеприимно приглашала послушать чудо двадцатого века – механический оркестрион.

Вся эта самодовольная крикливость, показная беспечность раздражала Кольцова. Они были неуместны, более того – невозможны в соседстве с той апокалипсической разрухой, которой была охвачена страна, рядом с огненными изломами многочисленных фронтов, где бились и умирали в боях с белыми армиями и разгульными бандами разных батьков бойцы революции; рядом с холодными и сидящими на осьмушке хлеба городами, как Житомир, где Кольцов совсем недавно лежал в госпитале. Нет, он никогда не забудет этого прифронтового города, в котором давно уже не было ни хлеба, ни электричества, ни керосина и растерянные люди деловито, ни от кого не таясь, разбирали на дрова плетни, сараи и амбары. Всю ночь напролет стояли у магазинов молчаливые, длинные, продрогшие очереди, так похожие на похоронные процессии.

Но именно там, в не раз расстрелянном пулеметами белых Житомире, – Кольцов явственно почувствовал это сейчас, – именно там шла настоящая жизнь страны, собравшей все свои силы для невероятной по напряжению схватки, а эта разряженная, бесконечно самодовольная толпа, бравурная музыка – все это казалось не настоящим, а чем-то вроде декорации в фильме о прошлом, о том, чего давно уже нет и что вызвано к жизни больной фантазией режиссера. Едва закончатся съемки – погаснут огни, прервется музыка, унесут афиши и разбредутся усталые статисты...

Не доходя до Царской площади, которую уже успели переименовать в площадь III Интернационала, Кольцов увидел освещенную вывеску гостиницы «Европейская». В холле гостиницы толпились обрюзгшие дельцы и женщины в декольтированных платьях. Застекленная дверь вела в ресторан.

Кольцов подошел к портье, спросил комнату.

– Все занято. – Портье сокрушенно развел руками. – Ни в одной гостинице места вы не найдете. Жильцы сейчас постоянные. – Он ощупал взглядом перетянутый ремнями портупеи френч Кольцова: – Вы ведь военный? Тогда вам нужно на Меринговскую, в комендатуру. Это недалеко. Там вам помогут.

На Меринговской, в городской комендатуре, все устроилось просто. Дежурный выписал Кольцову направление в гостиницу для военных.

Было уже совсем поздно, когда Кольцов разыскал на Подоле Кирилловскую улицу и на ней двухэтажный дом, оборудованный под гостиницу.

Одноногий, на култышке, служитель записал его в журнал для приезжих и после этого показал комнату. Кольцов потушил свет и лег, но заснуть долго не мог.

Где-то за полночь мысли Павла стали путаться, набегать друг на друга, и он уснул. А проснулся от гула за окнами гостиницы. По улице ехали груженные повозки, шли толпы людей.

В Киеве, как ни в одном городе, много базаров: Сенной, Владимирский, Галицкий, Еврейский, Бессарабский. Но самое большое торжище – на Подоле. Площадь за трамвайным кольцом и прилегающие к ней улицы заполняли толпы осторожных покупателей, отважных перекупщиков и бойких продавцов. Здесь можно было купить все – от дверной ручки и диковинного граммофона до истертых в седле брюк галифе и меховой шубы, от сушеной воблы до шоколада «Эйнем». Люди суматошно толпились, торговались до хрипоты, истово хлопали друг друга по рукам, сердито расходились, чтобы снова вскоре сойтись.

Тут же на булыжной мостовой, поближе к длинной тополиной тени, чадили мангалы с ведерными кастрюлями, и торговки привычно-зычными голосами зазывали откусать борща, потрохов с кашей или горячей кровяной колбасы. Неподалеку своевольной стайкой сидели на корточках беспризорники с нарочито бесстрастными лицами, ожидая нечаянной удачи. Чуть подальше, на привозе, пахло навозом и сеном – тут степенные, домовитые селяне торговали прямо с бричек свининой, птицей, мукой.

Кольцов вынужден был пробиваться сквозь эту вопящую и отчаянно жестикулирующую толпу, потому что здесь был кратчайший путь к трамвайной остановке.

– Нет, вы только подумайте! – требовательно тронул его за рукав возмущенный человек в пенсне. – За жалкий фунт сала этот тип без стыда и совести требует с меня полумесячное жалованье!

Сидящий на возу крестьянин, лениво усмехаясь, объяснил:

– А на кой ляд мне твои гроши? Гроши ныне – ненужные... Пшик, одним словом. Дай мне хотя бы две швейные иголки да еще шпульку ниток, и я тебе за милую душу к этому шмату сала добавлю еще шось...

И вдруг совсем близко раздался пронзительный крик. Увлекая за собой Кольцова, грузно стуча сапогами, толпа повалила на этот крик, окружила причудливо перепоясанного крест-накрест патронами-лентами здоровенного детину, растерянно озирающегося вокруг. Рядом с ним причитала женщина:

– Горжетку из рук выхватил!

– Ох, бандюга! Он и вчера таким же манером...

– Управы на них нет!..

– Лисья горжетка, почти новая!.. От себя оторвала, для детей! – искала сочувствия толпы женщина, мельком остановившись заплаканными глазами на Кольцове.

Толпа распалялась все сильнее, люди размахивали руками, плотнее окружая стоявшего с нагловатым видом грабителя. А тот вдруг, резким движением надвинув на глаза кепку, выхватил из кармана лимонку и занес ее над собой.

– А ну, разбегайсь!.. – закричал он неожиданно тонким, бабьим, голосом. – Подорву всех в три господ бога вашего!..

Кольцов внимательно взглянул на расплывшееся лицо детины, увидел маленький, перекошенный яростью рот, лишенные цвета глаза. «Этот может, – подумал Павел, – вполне может рвануть». И, стараясь глядеть бандиту в глаза, двинулся на него.

Тот вобрал голову в плечи, еще крепче сжимая в руке гранату. Глаза его беспокойно метнулись по лицу Кольцова.

– Тебе шо?

Кольцов коротко взмахнул рукой. Апперкот получился точно в подбородок, как и учил его в разведке бывший боксер Ваня Савельев, по кличке «Джон». Бандит, громко охнув, обмяк и опустился на мостовую, граната с невыдернутой чекой осталась в руке у Кольцова.

Через несколько минут упирающегося грабителя уводил подоспевший патруль, а к Кольцову торопливо подошел тот самый человек в пенсне, который возмущенно торговался с крестьянином.

– Посмотрите туда! – сказал он заговорщически, движением глаз показывая на двоих в штатском. – Те двое фотографируют и, я слышал, разговаривают не по-нашему.

Действительно, двое, судя по одежде иностранцы, как-то странно суетились поодаль. Один из них, более высокий, загораживал спиной своего спутника, а тот из-за плеча навскидку щелкал небольшим, каких Павел и не видел никогда, фотоаппаратом. Явно Европа!

Павел подошел к ним и властно спросил:

– Кто такие?

– О, сэр, мы имеем мандат! – торопливо и на довольно приличном русском отозвался один из иностранцев, высокий, сухощавый, с квадратной челюстью. – Да-да, документ от вашей власти! – Он готовно достал документы, протянул их Кольцову и чуть высокомерно представился: – Корреспондент английской газеты «Таймс». А это, – англичанин с гостеприимной улыбкой указал на своего товарища, – это мой французский коллега... э-э... знаменитый корреспондент еженедельника «Матэн». Наши читатели... как это... очень интересуют себя, что происходит в России.

Кольцов стал просматривать документы. Но они оказались в порядке – всевозможные печати подтверждали это. Кольцов вернул документы владельцам.

– Чем вас мог заинтересовать этот мародер?

– Уличная сценка... жанровый снимок... всего лишь... – поспешно объяснил англичанин, но глаза его смотрели обеспокоенно.

Корреспондент еженедельника «Матэн» произнес несколько фраз по-французски и усталился на Кольцова. Англичанин с готовностью перевел:

– Мой коллега говорит, что он, э-э, намерен дать материал о ваших... как это... – тут англичанин досадливо щелкнул пальцами, – продовольственных затруднениях. Он говорит, что это заставит капиталистов раскошелить себя... и они пришлют вам много-много продуктов.

– До Рождества как будто еще далеко, господа, зачем же сочинять святочные рассказы?! – отрезал Кольцов и, резко повернувшись, пошел к трамвайной остановке. Не мог знать он тогда, что у этой мимолетной встречи будет продолжение, необычное продолжение, едва не стоившее ему жизни...

Часов в десять утра Кольцов отыскал на площади Богдана Хмельницкого дом, указанный в предписании Житомирского военного комиссариата. Прочитал четко выведенную надпись, извещавшую о том, что здесь помещается Всеукраинская Чрезвычайная комиссия, и, невольно одернув выдавший виды командирский френч, поправив ремни снаряжения, с подчеркнутой подтянутостью вошел в подъезд.

В вестибюле его встретил юноша в студенческой куртке. Они прошли в ногу, как в строю, через небольшой зал, где двое пожилых красноармейцев деловито возились с пулеметом. Над ними, прямо на стене, размашистыми, угловатыми буквами было написано: «Чекист, твое оружие – бдительность». Также в ногу поднялись по широкой лестнице на второй этаж. Сопровождающий открыл перед Кольцовым дверь, обитую черным, вязкого отлива коленкором.

Из-за стола поднялся и пошел навстречу Кольцову худощавый, с ввалившимися щеками человек. Его глубоко запавшие глаза, окаймленные синевой, улыбочиво смотрели на Кольцова. «Какие знакомые глаза! – мгновенно промелькнула мысль. – Кто это?»

А худощавый человек протянул уже руку и весело произнес:

– Ну, здравствуй, Павел!

И тут Кольцова озарило: да это же Петр Тимофеевич! Петр Тимофеевич Фролов! Павел радостно шагнул ему навстречу...

Память вернула Кольцова в былые, далекие, тревожные дни, когда, расстреляв мятежный «Очаков», царские власти напустили на Севастополь своих ищеек. Те денно и ночью рыскали по усмирённому городу, вынюхивая и высматривая повсюду ускользнувших от расправы бунтовщиков.

В одну из ночей Павел проснулся от чьего-то сдержанного стога. Возле плотно заштопленного окна стоял таз с водой, рядом были ножницы, разорванное на полосы чистое бельё и пузырьки с остро пахнущими лекарствами и настоями из трав, которые обычно выручали в доме всех, кто заболел или поранился. Мать бинтовала руку и плечо бессильно привалившемуся к стене темноволосому мужчине. Когда Павел с любопытством посмотрел на него, тут же натолкнулся на пристальный цепкий взгляд светло-серых глаз. Мужчина морщился. Но, поймав мальчишечий взгляд, улыбнулся и подмигнул Павлу. А глаза его продолжали оставаться беспокойными, страдающими.

Мать сказала Павлу, что Петр Тимофеевич пока поживет у них в темной боковушке – чулане. Летом там спал Павел, а зимой держали всякую хозяйственную утварь. И еще мать строго наказала, что никто не должен знать о человеке, который будет теперь жить у них.

Фролов отлеживался в боковушке, и вскоре Павел стал проводить там все свободное время, слушая его рассказы об «Очакове», о товарищах – рабочих доков и еще о многом-многом другом...

Как же изменился Петр Тимофеевич с тех пор! Лицо потемнело, осунулось, грудь впала, спина ссутулилась. Лишь в глазах еще резче обозначилась все та же, прежняя, дерзновенная решительность.

Они крепко обнялись. Фролов перехватил взгляд Кольцова.

– Что, постарел?.. Война, понимаешь, не красит. – Он развел руками и перешел на деловито-серьезный тон: – Ну, садись, рассказывай, как живешь? Как здоровье?

– Здоровье?.. Здоров, Петр Тимофеевич!

– Ты ведь недавно из госпиталя?

– Заштопали как следует. Не врачи, а прямо ткачи. – Кольцов улыбнулся, присел возле стола. – В госпитале мне сказали, что звонили из Киева, спрашивали. Никак не мог придумать, кто бы это мог интересоваться моей персоной...

Осторожным, незаметным взглядом Фролов тоже изучал Павла. Сколько ему лет? Двадцать пять, должно быть! Не больше! А выглядит значительно старше. Френч со стоячим воротником, безукоризненная выправка. Подтянут, широк в плечах... Кольцов положил на стол предписание и вопросительно взглянул на Фролова. В предписании значилось: «Краскома тов. Кольцова Павла Андреевича откомандировать в город Киев в распоряжение особого отдела ВУЧК».

– Тебя что-то смущает? – спросил Фролов.

– Смущает? Пожалуй, нет. Скорее, удивляет... Зачем я понадобился Всеукраинской Чека?

Ответил Фролов не сразу. Он достал тощенькую папиросу и стал сосредоточенно обминать ее пальцами. Кольцов помнил эту его привычку – она означала, что Петру Тимофеевичу нужно время обдумать и взвесить что-то серьезное, важное.

Фролов раз-другой прошелся по кабинету, неторопливо доминая папиросу, остановился возле стола, крутнул ручку телефона.

– Товарища Лациса! – строго произнес он в трубку и, чуть помедлив, доложил: – Мартин Янович, Кольцов прибыл...

Когда Фролов положил трубку, Кольцов спросил:

– Мартин Янович – это кто?

– Лацис. Председатель Всеукраинской Чека, – пояснил Фролов и опять не спеша прошелся по кабинету: от стола до стены и обратно. Раскурив папиросу, присел. – Дело вот какое. Нам, то есть Всеукраинской Чека, нужны люди для работы во вражеских тылах. Иными словами, нужны разведчики. Я вспомнил о тебе, рассказал товарищу Лацису. Он заинтересовался и попросил тебя вызвать... Чаю хочешь? Настоящего, с сахаром.

– Спасибо, – растерянно произнес Кольцов.

Всего он ожидал, направляясь сюда, только не этого... Стать чекистом, разведчиком? Иначе говоря – шпионом? Обладает ли он таким талантом? Способностями? Глубокая зафронтовая разведка – это не просто риск. Неосторожный, неумелый шаг может погубить не только тебя, но и людей, которых тебе доверят, и дело. Сумеет ли он? Сумеет ли жить среди врагов и ничем не выдать себя? Притворяться, что любишь, когда ненавидишь, восхищаться, когда презираешь...

– Но откуда у меня это умение? – подумал вслух и посмотрел на Фролова. – И потом... Вы же знаете, почти всю германскую я был в армии, командовал ротой. На той стороне могу столкнуться с кем-нибудь из знакомых офицеров. А это – провал!..

– Мы все учили, Павел, – улыбнулся Фролов. – И твою службу в царской армии, и твои капитанские погоны. На Западном фронте, насколько я знаю, ты служил у генерала Казанцева?

Кольцов удивился такой осведомленности Фролова и подтвердил:

– Да. Командовал ротой разведчиков.

– По нашим сведениям, генерал Казанцев формирует сейчас в Ростове казачью бригаду... Вот и пойдешь к своему командиру. Выглядеть это будет примерно так: капитан Кольцов, как и некоторые другие бывшие офицеры царской армии, бежит из Совдепии под знамена Деникина. Узнав, что генерал Казанцев находится в Ростове, капитан Кольцов направляется к нему. Разве не естественно желание офицера служить под началом того генерала, с которым вместе воевал?..

– А что! Вполне правдоподобно! – Кольцов даже улыбнулся.

А Фролов продолжал:

– Перед тем как мы пойдем к товарищу Лацису, а он хочет сам поговорить с тобой, познакомься с фронтовой обстановкой. Ты ведь из госпиталя, многого не знаешь. – Фролов подошел к висевшей на стене карте Украины: – Так вот. Деникин полностью овладел Донской областью и большей частью Донецкого бассейна. Бои идут за Луганск. Если Луганск падет – на очереди Харьков. Впечатление создается такое, что до наступления на Москву Деникин решил сначала захватить Украину, чтобы использовать ее богатейшие ресурсы. Мы знаем, что сил для этого у него достаточно. Добровольческие полки укомплектованы опытными офицерами, которые дерутся уверенно. У них – броневики, аэропланы, бронепоезда и автомобили. Силы, как видишь, внушительные. В Новороссийском порту выгружается посылаемое Антантой, и прежде всего Англией, оружие. Это – винтовки, пулеметы. Это – обмундирование, продовольствие. Все, вплоть до сигарет и сгущенного молока... – Голос Фролова стал громче и вместе с тем сдержанней – чувствовалось, что он заговорил о наблевшем, о чем говорить всегда трудно.

– Еще вчера в своем Ледовом походе на Екатеринодар они воевали только тем, что отбивали у наших частей. На их офицерах вшей было больше, чем на наших красноармейцах. Мы уж думали – все решено, полный им каюк. А сейчас?.. Рассказываю тебе это для того, чтобы ты правильно представил себе всю опасность нашего положения. Думаю, что мы допустили серьезные ошибки: Дон и Кубань сейчас против нас. Офицеры ожесточены и, боясь попасть в плен, дерутся так, как с немцами на великой войне четырнадцатого года не дрались...

Открылась дверь, и в кабинет, немного косолапя, вошел плотный невысокий моряк в расстегнутом бушлате, флотские брюки его были тщательно заправлены в сапоги. Остановился у порога.

Фролов гостеприимным движением руки пригласил моряка:

– Проходи, Семен Алексеевич. Знакомься: товарищ Кольцов.

– Красильников, – представился моряк и потряс в жесткой своей ладони руку Кольцова. – Бывший комендор эскадренного миноносца «Беспощадный».

– Ныне же один из самых недисциплинированных сотрудников Особого отдела Всеукраинской Чека, – с усмешкой добавил Фролов. – Сколько ни бились, никак с бушлатом не расстанется. Говорит: не могу без него. Еле-еле заставил бескозырку сменить.

Красильников тяжело переступил с ноги на ногу:

– Непривычна мне сухопутная снасть. – Он даже повел плечами, словно призывал Кольцова убедиться, что ему никакая другая одежда не по плечу.

– Больше года моря не видел, а все «снасть», «снасть», – беззлобно передразнил Красильникова Фролов. Затем встал, сказал ему: – Ты посиди здесь. Должны звонить из штаба Восьмой армии. – И обернулся к Кольцову: – Идем! Представляю тебя Лацису!

Они спустились вниз, где старательные красноармейцы по-прежнему разбирались в пулемете.

В пустынном коридоре, у высокого, затуманенного пылью и грязными натеками окна, Кольцов остановил Фролова и настойчиво попросил:

– Петр Тимофеевич, ты все-таки скажи мне, наконец, кто такой этот самый Лацис. Ну, председатель ВУЧК – это всего лишь должность. А ты мне чуток поподробнее, ну, прежде чем я...

Фролов почему-то оглянулся по сторонам и кивнул:

– Мартин Янович преданнейший делу коммунизма товарищ, – сказал он, постепенно понижая голос: – Сам понимаешь, из угнетенного нацменьшинства, опора революции... Сам он по-настоящему Ян Фридрихович... только не вздумай так его назвать... из народных латышских учителей, был председателем военного трибунала и начальником секретно-оперативного отдела ВЧК, а теперь послан на Украину наводить порядок. Прибыл вот в Киев, как наиболее отсталый город по сравнению с Харьковом – столицей Украины... Но очень уж строг. С населением. Мы тут поспорили с ним насчет расстрела заложников, но Мартин Янович разногласий по вопросу красного террора не признает. Вообще возражений не терпит. Ты учти!

Фролов неожиданно, желая сгладить впечатление, мелко и неестественно рассмеялся:

– Ну, да ты далеко от него будешь работать, так что прими благословение – и в путь.

– Куда?

Но Фролов ничего больше не сказал, нахмурился и повел Павла дальше по коридору. Они прошли мимо двух часовых, которым Фролов на ходу бросил: «Товарищ со мной!», и оказались в большой комнате, из окон которой виднелись, словно на картине, обрамленной рамой и тщательно продуманной композиционно, купола Софийского собора. Кольцов сначала увидел эти сверкающие на солнце граненые купола и лишь затем стоящего у окна хозяина – Мартина Яновича Лациса.

Выше среднего роста, крепкой стати, с черной аккуратной бородкой, он мог бы сойти за обычного русского интеллигента, если бы не холодный, как бы отмечающий всякие рассуждения и споры взгляд серых спокойных глаз и несколько презрительный изгиб сжатых губ. Нет, этот человек не был интеллигентом, он относился к числу властителей, хозяев человеческих судеб, а к этим людям понятие интеллигентности неприменимо, как неприменима обычная линейка для измерения величины паровоза. Здесь требовались определения иного ряда.

«Что ж, такими, наверно, и должны быть вершители революции, – подумал Кольцов, стараясь преодолеть некое внутреннее неприятие председателя Всеукраинской ЧК. – А разве симпатичны были Робеспьер или Дантон? Или Марат?.. Они видят дальше, чем мы, простые люди, их цели в будущем, в замечательном мирном будущем, когда победит мировая революция, исчезнут войны и все народы будут как братья...»

Ян Фридрихович Судрабс, которого товарищи-революционеры знали как Мартина Яновича, «Дядю», «Гарайса», «Милнса» (в честь изобретателя самой убийственной гранаты), с интересом вглядывался в Кольцова, нисколько не боясь смутить вошедшего этим прямым, в упор, изучением. У него возник вопрос о принадлежности к племени интеллигентов бывшего капитана из бригады генерала Казанцева Девятой армии бывшего Юго-Западного фронта, где сам император незадолго до Карпатского прорыва христосовался с солдатами («слюнявая интеллигентская игра в демократию по-русски»).

Русскую интеллигенцию Мартин Янович глубоко презирал. И разве сумели бы они год назад разгромить восставший против большевиков, окопавшийся и казавшийся неприступным Ярославль, если бы он, Лацис, послушался советников-генералов, которые что-то там твердили о гуманности методов войны.

Он заставил тогда этих слюнтяев и даже самого командующего осадой Геккера применить, после трехсуточного обстрела сверхтяжелой артиллерией уже наполовину сгоревшего города, снаряды и авиабомбы с ипритом и люизитом. Правда, после первого же выстрела химическим снарядом осажденные сдались. У большинства в городе были семьи, близкие, и они понимали, что никто не уцелел бы после химической атаки. Пять тысяч пленных Мартин Янович поставил под пулеметы. В назидание всем, кто вздумает поднимать восстания под шовинистическими, то есть русскими, лозунгами.

Лацис еще раз окинул взглядом потрепанный, но ладно подогнанный френч Кольцова, порыжевшие, потертые ремни амуниции, стоптанные, но начищенные до блеска сапоги. Сам председатель ВУЧК был одет в безукоризненно отглаженный костюм, сшитый лучшим киевским портным Беней Разумовичем, сорочка его отливала голубоватой белизной, а умело подобранный, кремовый с разводами галстук выдавал в нем человека достаточно тонкого вкуса.

Мартин Янович не терпел русской небрежности в одежде, вообще всякой расхлябанности, вольности, склонности к спорам и разговорам до рассвета, этой славянской размытости в поведении и дисциплине.

Лацис предложил Кольцову сесть и, не обращая внимания на затянувшееся молчание, продолжал разглядывать вошедшего, словно хотел убедиться окончательно в том, что анкетные данные и все, что рассказывал о Кольцове Фролов, соответствует действительности.

«Происхождения он действительно простого, – четко штамповал свои выводы председатель ВУЧК. – Но сумел отшлифовать себя, он похож скорее на белого офицера, чем на краскома. Что ж, в данном случае это и нужно... Гимназия, три курса университета, ускоренный курс военного училища... Для сына рабочего неплохо. Впрочем, отец не просто рабочий, он машинист, зарабатывал больше, чем учитель. Мог дать образование, мог. И даже языкам обучить... Все это подходит».

– Фронтовую обстановку товарищи вам уже доложили? – вопросом прервал молчание Лацис.

– Я рассказал, Мартин Янович, – ответил за Кольцова Фролов.

Лацис сел за стол напротив Кольцова.

– Трудно нам сейчас. Но мы должны выстоять. Белые бросают в наступление все, что имеют, дела вот-вот дойдут до кульминации. Струна натянулась до предела. Если мы сумеем выстоять – им конец... Как вам Киев? – спросил он неожиданно.

– Весьма пестрый город, – усмехнулся Кольцов, вспомнив базар. – Веселый.

Но председатель ВУЧК не поддержал этого снисходительного тона.

– Успехи на фронте во многом зависят от тыла, – сказал он тихо, спокойно и как будто отстраненно. – В тылу мы еще не успели навести порядок. В столичном Харькове, конечно, дело другое, но Киев буржуазный и мещанский город по преимуществу. Рестораны, кабаки, казино, фланирование «господ» по Крещатику – это самое невинное. Мы ежедневно сталкиваемся с саботажем, спекуляцией, заговорами, шпионажем. Людей у нас не хватает. Самых лучших, партийцев, посылаем на фронт и на борьбу с бандами. Поэтому город пока не успели привести в чувство.

Он насупился, вспомнив, что однажды так же выразился о Ярославле, которым распоряжался в течение недели после «взятия». «Город приведен в чувство», – сказал он на заседании РВС Восточного фронта. И услышал ответ язвительного Троцкого, с которым никто не мог состязаться в остроумии: «Если вы так же приведете в чувство другие города, Республика станет сельской местностью».

Но придется, придется Киев привести в чувство. Для этого он подобрал подходящий состав городской ЧК, поставил председателем Семена Блувштейна-Сорина, который уже проявил себя в Екатеринбурге при ликвидации царской семьи. А в заместители ему дал Петьку Дехтяренко, из бывших анархистов, беспощадного хлопца. Образовался хороший дуэт, оба пылали желанием уничтожить «старую Россию», облик которой все еще просматривался в жизни Киева.

И поэтому четко и ясно, как обещание, как клятву, Лацис произнес:

– С Киевом мы справимся. Но есть участок работы, который интересует нас в первую очередь. Это наше белое пятно. Глубокая разведка в сердцевине белой армии.

В кабинете стало тихо, лишь Фролов несколько раз осторожно чиркнул спичкой, разжигая погасшую папиросу.

Лацис легкой походкой прошелся до окна, мельком устало взглянул на купола, вернулся, присел напротив:

– Я имею в виду не войсковую разведку, в которой вы, как говорил мне товарищ Фролов, служили на фронте.

– Да, в германскую командовал ротой разведчиков, – сообщил Кольцов.

– Знаю... В данном же случае речь идет об иной разведке. Мы, по существу, ничего не знаем ни о силах противника, ни о его резервах. Боремся с ним вслепую. А нам нужно знать, что делается у него в тылу. Какие настроения... Вот с такой разведкой дело у нас пока обстоит неважно. Все, что мы сейчас имеем, – это в основном донесения подпольщиков. – Лацис здесь сделал паузу, чтобы подчеркнуть важность последующих слов. – В тылу белых работают воистину замечательные люди. Во многих городах уже появились подпольные большевистские ревкомы, созданы партизанские отряды, ведется большая подрывная и агитационная работа, но возможностей для квалифицированной разведки у них мало. Нам нужны люди, которые могли бы внедриться во вражескую офицерскую среду. Вы понимаете, к чему я все это говорю?

– Да, Мартин Янович. Товарищ Фролов меня вкратце информировал, – тихо произнес Кольцов.

– Мы намерены предложить вам такую работу, – спокойно сказал Лацис.

Кольцов какое-то время сидел молча. Он понял, что сегодня держит, может быть, самый трудный в жизни экзамен. Ведь слова Лациса «мы должны, мы обязаны выстоять» обращены и к нему...

– Хотите что-то сказать? – Лацис в упор смотрел на Кольцова, и Павел не отвел глаз, спокойно произнес:

– Я военный человек и привык подчиняться приказам.

– Это не приказ, товарищ Кольцов. Это – предложение.

– Я рассматриваю его как приказ, – упрямо повторил Кольцов.

Лацис одобрительно улыбнулся. Фролов, в отличие от Кольцова хорошо знавший председателя, понимал, что это значит. Лацис улыбался крайне редко. Стало быть, кандидатура Кольцова ему понравилась. Человек не только жестокий и кровавый, но и беспощадный к себе, председатель ВУЧК довольно быстро определял людей смелых и верных долгу по каким-то одному ему ведомым чертам.

Теперь он мог позволить себе и пошутить.

– А вы, товарищ Кольцов, человек бдительный, – сказал он. – Быстро вы определили в толпе иностранцев и проверили их... Не удивляйтесь, – опередил он вопрос Кольцова. – Мы, конечно, не оставляем иностранных корреспондентов без присмотра. Хотя бы для их же блага. Не знаю, будет ли толк от путешествия этих Жапризо и Колена. Вреда бы не было... Но их поездка санкционирована в Кремле. Республика нуждается в признании.

Он неожиданно замолчал и насупился. Когда разговор затягивался, Мартин Янович терял контроль над произношением, и его прибалтийский акцент становился особенно ощутимым, чего Лацис не любил.

Он посмотрел на часы. Через десять минут Лацису предстояла встреча с этими самыми неутомимыми Жапризо и Коленом, и задача председателя была в том, чтобы убедить иностранцев в высокой гуманности и необходимости такой организации, как ЧК, а также в бесполезности борьбы с коммунизмом. На встречу должны были прибыть глава правительства Украины Христиан Раковский и командующий войсками Владимир Антонов-Овсеенко, но поезд из Харькова опаздывал.

Впрочем, причина беспокойства Лациса была не в этом. Он несколько опасался каверзных вопросов, которые могли возникнуть у корреспондентов, если они сумели докопаться до всяких неприятных вещей. Самый неприятный вопрос: почему они, латыш Лацис, международный революционер непонятного происхождения Раковский, прибывший из Болгарии, и давно обрусевший и забывший свое черниговское происхождение Антонов, предусмотрительно добавивший к первой вторую фамилию (в своей среде они звали его коротко, по партийному псевдониму – «Штык»), взялись руководить такой огромной, сложной и во многом непонятной Украиной, охваченной крестьянскими восстаниями?

...Фролов же понял этот взгляд на именные, наградные часы как окончание разговора и утверждение кандидатуры Кольцова. Павла можно было «вводить в дело».

* * *

Фролов, Красильников и Кольцов, наскоро перекусив прямо в кабинете, вновь вернулись к прерванным делам – к выработке правдоподобной версии. Для разведчика версия – это так много! Ошибка в версии – провал.

– Генерал Казанцев помнит тебя как боевого офицера и конечно же попытается использовать на передовой, – сказал Фролов. – Нам же необходимо, чтобы ты осел у него в штабе.

– Это уж как получится, – качнул головой Кольцов. – Мне самому в своих стрелять не с руки. Но и настаивать на том, чтобы оставили в штабе, опасно...

– Это верно, в штабе не оставят. Потому что ты для них черная кость, сын машиниста. Хоть и офицер, но сын рабочего, вряд ли такому они окажут доверие. При всем твоём образовании.

– Что делать, Петр Тимофеевич, родителей себе не я выбирал.

– А ты их на время смени. – Фролов вынул из ящика стола объемистую книгу «Списки должностных лиц Российской империи на 1916 год». Раскрыл книгу на букве «К». – Среди нескольких десятков Кольцовых мы нашли вполне для тебя подходящего: Кольцов Андрей Константинович. Действительный статский советник. Уездный предводитель дворянства.

Начальник Сызрань-Рязанской железной дороги... По наведенным справкам, в семнадцатом году уехал во Францию, там умер. Вдова и сын живут под Парижем... Ну как, такой родитель тебе подойдет?

– Листай дальше, Петр Тимофеевич! – обреченно махнул рукой Кольцов. – Может, найдешь кого-нибудь попроще! Ну, какого-нибудь акцизного. За дворянина-то я вряд ли сойду.

– Ну почему? – недовольно поморщился Фролов. – Мне приходилось не только потомственных допрашивать, но и отпрысков их сиятельств. Невежественные ферты, знаешь, тоже попадались...

Красильников, внимательно оглядев Кольцова, добродушно и простовато обронил:

– Не сомневайся, по виду ты чистый беляк. Глянешь на тебя – рука сама за наганом тянется...

– Вот видишь! – весело подтвердил Фролов. – Ладно, мы еще подумаем над этим. А сейчас Семен Алексеевич отвезет тебя в Святошино на нашу дачу. Поживешь там дня три, подумаешь, подготовишься. – Фролов подошел к книжному шкафу, достал стопку книг: – Обязательно прочитай вот это: мемуары контрразведчиков Семенова, Рачковского и Манасевича-Мануйлова. Авторы – жандармы; дело в том, что контрразведка белых ничем не отличается от третьего отделения царской охранки: те же методы и приемы, и работают в ней те же бывшие жандармские офицеры. А вот это записки капитана Бенара из второго бюро французской разведки. Пройдоха, нужно сказать, из пройдох! А лихо описывает свои похождения в германском тылу. Тут много ерунды, но некоторые наблюдения и аналитические суждения очень профессиональны.

Кольцов взял книги и не удержался, спросил:

– Петр Тимофеевич, а как собираешься переправить меня через линию фронта?

– Есть одна мысль. Через день-два скажу окончательно... Мы тут, в Очеретино, засекли цепочку, по которой господ офицеров переправляют к Деникину. Отправим тебя и – прихлопнем эту лавочку.

Глава вторая

С наступлением густых сумерек, убаюканный шелестом старинных тополей, городок засыпал. Вернее, это была видимость сна: сквозь щели закрытых наглухо ставен пробивался на улицу слабый, дремотный огонь коптилок, доносились приглушенные до опасливого шепота голоса, из сараев раздавалось позднее мычание застоявшихся коров. Люди проводили ночи в тревожном, настороженном забытии, вскидываясь при каждом шуме или шорохе.

Много бед пережил этот степной городок за последние полтора года. Несколько раз его оставляли красные, обещая жителям вернуться, что не вызывало у большинства особого энтузиазма, потому что означало возобновление продразверстки и различных реквизиций, иначе говоря – натуральный грабеж.

Вступали денкины – тоже начинались грабежи, ибо пообносились белопогонники изрядно, а затем – под меланхолическую музыку местного оркестра – меланхолические кутежи. А когда наскучивало и это господам офицерам, поднималась стрельба под колокольный звон оживающих церквушек. Несколько раз с лихим посвистом и гиканьем залетали на взмысленных конях одуревшие от попоек махновцы – и снова на улочках наступали грабежи и разносилась пьяная стрельба.

За последние дни положение на фронте резко изменилось. Части Добровольческой армии захватили Луганск и теперь пытались изо всех сил развить успех.

До Очеретино было еще далеко. Но по ночам занимались над горизонтом багряные отсветы. Они совсем не походили на те спокойные и плавные зарницы, освещающие степь в пору созревания хлебов. Вот и не спалось людям в предчувствии новой беды. Ни души на улицах, ни тени. Над запыленными плетнями свешивались потяжелевшие ветви вишен и яблонь.

Павел Кольцов торопливо прошел в конец пустынно-тихой Базарной улицы, вышел к кладбищу. В эти годы люди мало думали о мертвых – хватало забот о живых. Кладбище поросло тяжелой, могильной травой. А над нею, как пни в сгоревшем лесу, торчали верхушки массивных каменных крестов и остовы истлевших от сырости и забвения деревянных, отчего кладбище странно походило на пожарище.

Пройдя кладбище и за ним пустырь, Кольцов увидел старый дом, обнесенный с трех сторон высоким, уже успевшим покоситься забором. Стараясь быть незамеченным, вдоль забора прошел к дому, внимательно оглядел окна, закрытые изнутри громоздкими дубовыми ставнями. Было тихо и мертво, словно дом давно покинули хозяева.

Павел осторожно поднялся на крыльцо и негромко постучал в дверь три раза и, сделав небольшую паузу, еще три раза, затем, отойдя на шаг, закурил.

Дверь долго не открывали. Несколько минут он вообще не слышал никаких признаков жизни, хотя каким-то шестым чувством ощутил, что его оттуда, изнутри, осторожно разглядывают. Затем в глубине дома едва слышались легкие шаги, и щель входной двери затеплилась красноватым светом. Встревоженный женский голос спросил:

– Вам кого?

– Софью Николаевну, – тихо и спокойно сказал Кольцов и, немного помедлив, добавил со значением: – Я от Петра Николаевича.

Там, в доме, видать, не торопились впускать. Раздумывали. Прошло несколько томительных мгновений, и было неизвестно, поняли ли обитатели дома полупароль или нет.

– Вы один? – наконец отозвался тот же голос. И тогда Кольцов, отступая от железных правил конспирации, сердито сказал:

– Боюсь, если еще минут пять простою, то буду уже не один!

Эти слова возымели действие: прогремел отодвигаемый засов, резко звякнули защелки и замки. Воистину, здесь жили потаенно. Дверь открыла пожилая дама с грузными мужскими плечами. В руках она держала керосиновую лампу.

Придирчиво оглядев Кольцова с ног до головы, хозяйка посторонилась, пропуская его в дом. Павел подождал, пока она задвигала все засовы, запирала с какой-то неуклюжей тщательностью все замки. Затем, освещая путь лампой, провела Павла в большую комнату, заставленную громоздкой старинной мебелью с бронзовыми нашлепками, причудливыми вензелями и хитрыми завитушками. Вещи говорили, что еще совсем недавно здесь жили побарски. Поставив на стол лампу, дама указала Павлу на диван:

– Прошу... присаживайтесь. – И сама села рядом, немигающими глазами бесцеремонно и пристально рассматривая гостя, который начинал ей нравиться; манерой держаться он напоминал молодых поручиков. Затем она повелительно сказала: – Так я вас слушаю... – Но в глазах ее уже не было прежней озабоченной настороженности.

– Простите, значит, Софья Николаевна – это вы? – любезно спросил Кольцов.

– Да.

Кольцов встал, щегольски щелкнул каблуками, склонил голову.

– Капитан Кольцов!.. Я к вам за помощью! – И лишь после этого он извлек из кармана кусок картона, на котором химическим карандашом были выведены всего три буквы: СЗР, что означало «Союз защиты Родины» – и чуть ниже витиеватая подпись.

– А все же где вы встречали Петра Николаевича? – поинтересовалась дама, становясь более любезной. – Помнится, он собирался переходить через фронт к нашим.

– Нет, мадам. Обстоятельства, как вам известно, изменились. Началось наступление. В армию влилось много новых сил, и Антон Иванович нуждается в офицерах. Поэтому Петр Николаевич выехал в Славянск, там собралось много офицеров, которых надо переправить через фронт. Затем Петр Николаевич выедет в Екатеринослав. По тем же делам, – сказал Кольцов и многозначительно умолк, продолжая любезно смотреть в глаза хозяйке.

Софья Николаевна тяжело вздохнула и мелко перекрестилась.

– Помоги ему Всевышний.

Кольцов набожно опустил глаза, понимая, что каждый его жест, каждое движение проверяются хозяйкой.

А Софья Николаевна торопливо поднялась с дивана и, неожиданно легко для ее грузной фигуры, заспешила к двери в другую комнату, с некоторым смущением отдернула портьеру.

– Войдите, господа, – сказала она кому-то, и голос ее прозвучал успокаивающе.

В комнату вошли двое. Вероятно, они все время стояли за портьерой, потому что вошли тотчас. Человек, выступивший первым, – высокий, с глубокими залысинами – недружелюбно скользнул острыми, слегка выпуклыми глазами по лицу Кольцова, и что-то в госте ему явно не понравилось.

– Знакомьтесь, господа! Капитан Кольцов! – представила Софья Николаевна.

– Ротмистр Волин! – сухо произнес высокий и, чтобы не подать руки, тотчас же отвернулся.

Товарищ Волина, круглолицый юноша в приталенном кителе, лихо щелкнул каблуками:

– Поручик Дудицкий... – и, подойдя вплотную к Кольцову, сказал: – Капитан, мне определенно знакомо ваше лицо! Честное слово, мы встречались! Да-да! Но где же?

Кольцов вопросительно посмотрел на поручика – начиналось именно то, чего он больше всего опасался. Вполне возможно, что это – всего лишь проверка. Но не исключено, что и встречались. Вот только где? При каких обстоятельствах?.. Выгадывая время, Кольцов небрежно спросил:

- В армии вы давно?
- С шестнадцатого.
- В германскую я воевал на Юго-Западном...

Поручик широко заулыбался:

- Так и есть! Я служил в сто первой дивизии, у генерала Гильчевского.

Разговор принимал неожиданно удачный оборот. «Теперь, чтобы как можно быстрее сломать ледок отчужденности, надо выложить несколько фактов, подробностей», – подумал Кольцов и с нескрываемым дружелюбием спросил поручика:

- Насколько мне помнится, вы квартировали в Каменец-Подольске?
- Совершенно верно, капитан!.. Значит, и вы тоже бывали там?
- Я имел честь принимать участие в смотре войск, который производил в Каменец-Подольске государь император.

Вздыхнув, Кольцов опустил голову, словно предлагая присутствующим почтить молчанием далекие уже дни империи.

– Вот где я мог вас видеть! – воскликнул Дудицкий. – Ах, господа, какое было время! Войска с винтовками «На краул!». Тишина. И только шаги государя! Он прошел совсем близко от меня, ну совершенно рядом, честное слово. Я даже заметил слезы на его глазах! Потом церемониальный марш!.. Ах, а вечером!.. Бал, музыка, цветы... Вы были в тот вечер в Дворянском собрании, капитан?

- Не довелось. Вечером я был в наряде по охране поезда его величества.

– Да-да! Я определенно встречался с вами в Каменец-Подольске, капитан! У меня удивительная память на лица!.. Ах, как было тогда славно! Казалось, все обрело ясность! Казалось, вот-вот объявят перемирие и вернутся добрые старые времена... – Поручик окончательно признавал в Кольцове своего.

Глаза ротмистра Волина, до сих пор сохранявшие ледяную напряженность, слегка оттаяли, и оказалось, что они совсем не холодные и даже чуть-чуть лукавые. Ротмистр щелкнул портсигаром и, словно объявляя мир, гостеприимно предложил Кольцову:

– Отведайте моих! Преотменнейшие, смею доложить вам, папиросы! – и улыбнулся краешками губ; улыбка, как улитка из раковины, высунулась и тут же спряталась.

– Благодарю, – потянулся за папиросой Кольцов, показывая, что и он обрадован примирением.

Поручик Дудицкий тоже протянул руку к портсигару:

– Разрешите, ротмистр! Я, знаете, вообще-то не курю, но в такой день... – поспешно оправдывался он, с почтительностью беря папиросу из портсигара.

Ротмистр Волин понимающе кивнул и присел к столу. Откинувшись на высокую спинку кресла и не спеша затянувшись папиросой, он поочередно посмотрел на Дудицкого и Кольцова:

- Значит, вы сослуживцы, господа?

– Относительно, – благодушно уточнил Кольцов. – Дивизия Гильчевского была в Восьмой армии Юго-Западного фронта. А я служил в Девятой. На смотр, как известно, были выведены отборные части этих двух армий.

Волин удовлетворенно кивнул головой и старательно стряхнул пепел папиросы в пепельницу.

- Давно в тылах красных?

– Порядочно уже... Был тяжело ранен, – стараясь, чтобы разговор тек по-домашнему, запросто, а не состоял из вопросов и ответов, с готовностью отозвался Кольцов. – Спасибо добрым людям – выходили... Мне бы еще месяц-два отлежаться, но...

– Да, правильно, что спешите... За месяц-два, от силы за полгода, полагаю, все закончится, – глубокомысленно сказал Волин. – Простая арифметика, капитан. Здесь, на Южном

фронте, у Советов до недавнего времени было семьдесят пять тысяч штыков и сабель. А у нас – сто тысяч. Далее. Восстание донских казаков отвлекло на себя тысяч пятнадцать штыков и сабель, не меньше...

– Остановитесь, ротмистр! А то окажется, что нам уже и воевать не с кем! – поощрительно пошутил Кольцов.

– Но это ведь факты! – с неожиданной горячностью возразил Волин. – Да, воевать уже практически не с кем.

– А генералы, господа! – вклинился в разговор поручик Дудицкий. – У красных войсками командуют мужики. Неграмотные мужики. Посему и этот фактор не следует сбрасывать со счетов.

Волин коротко взглянул на Дудицкого и снисходительно улыбнулся. Затем небрежно, почти по-свойски спросил у Кольцова:

– А где, позвольте узнать, вы познакомились с Петром Николаевичем?

Кольцов нахмурился и, выдержав паузу, сухо ответил:

– Видимо, нам не следует задавать друг другу подобных вопросов, господин ротмистр! Волин засмеялся:

– Что ж, может, вы и правы!..

Софья Николаевна, о чем-то пошептавшись с Дудицким, вышла.

Волин продолжал:

– Но я спросил о Петре Николаевиче потому, что меня предупредили: мы с поручиком – последние, кто идет через это «окно».

– Я тоже об этом предупрежден, – спокойно подтвердил Кольцов. – С тем лишь уточнением, что последним буду я!

Наступила пауза.

– Насчет ваших прогнозов, ротмистр, – сказал Кольцов. – Если бы все было так легко! Да, красных войск сейчас немного, но резервы у них огромные. И командуют ими уже не мужики. Троцкий вводит строгую дисциплину и ставит во главе полков, не говоря уже о дивизиях, старых, николаевских офицеров, чаще всего Генерального штаба.

– Изменники! – воскликнул Волин.

– Их семьи идут в заложники. К тому же офицеры поставлены перед угрозой голодной смерти всей семьи – они лишены пайков, если не служат. Это – в лучшем случае. В худшем, если отказываешься служить – просто расстрел.

Павел произнес все это с искренней горечью. Его отнюдь не радовали такие способы вербовки офицеров, пусть и служащие усилению Красной Армии. И в семье, и в гимназии, и затем в университете его учили лишь правилам чести.

Волин покачал головой.

– Однако и настроение у вас, капитан!

– Просто я трезво смотрю на вещи.

В гостиную с подносом в руках вошла сияющая Софья Николаевна.

– Ах, господа, прекратите о войне! Хватит! – воскликнул поручик Дудицкий, скосив глаза на рюмки и граненый хрустальный графин, в котором покачивалась густая малиновая жидкость. – Важно лишь одно: мы живы, мы встретились, мы скоро будем у своих... А с такой наливочкой и в такой превосходной компании я не против и здесь подождать нашего освобождения. Дней через семь, от силы через десять наши точно будут здесь! – И затем он деловито обратился к хозяйке: – Я угадал, Софья Николаевна, это наливка?

– Конечно же это не шутовский коньяк, поручик. – И, расставляя рюмки на столе, хозяйка многозначительно добавила: – Кстати, войска Антона Ивановича перешли на реку Маныч в общее наступление. Красные бегут...

– Кто это вас так хорошо информировал, Софья Николаевна? – скептически поднял брови ротмистр.

– Зря иронизируете. Я читала газету красных. Они сообщают, что оставили Луганск! – решительно произнесла Софья Николаевна, и ее величественный подбородок заколыхался.

– Ну а об этом общем наступлении тоже там написано? – тем же устало-насмешливым тоном спросил Волин.

– Видите ли, между строк многое можно прочесть, – вспыхнув, ответила Софья Николаевна.

Вся ее фигура выражала возмущение. Софья Николаевна умела выражать чувства всей своей фигурой. Когда-то ей сказали, что внешностью, дородством она похожа на Екатерину Великую, и с тех пор предметом ее забот стали величественность и дородство.

– Что же, господа! Отличные новости! – Дудицкий нетерпеливо поднял рюмку – его раздражала любая задержка. – Я предлагаю тост, господа, за... за Антона Ивановича Деникина, за Ковалевского, за всех нас, черт возьми, за...

– За хозяйку дома! – галантно продолжил Волин.

– За удачу, – предложил Кольцов, ни к кому не обращаясь, словно отвечая на какие-то свои потаенные мысли.

Они выпили.

– Я буду молиться, чтоб Господь послал вам удачу, – по-своему поняла тост Кольцова Софья Николаевна. – С моей легкой руки через линию фронта благополучно перешло уже сорок два человека... Завтра в одиннадцать вы выедете поездом до Демурино. Пропуска уже заготовлены...

– Фальшивые? – поинтересовался Волин.

– Какая вам разница?! – обидчиво поджала губы Софья Николаевна. – По моим пропускам еще ни один человек не угодил в Чека.

– Вы думаете, нам будет легче от сознания, что мы первые окажемся в Чека с вашими пропусками? – с язвительной озабоченностью произнес Кольцов, всем своим видом показывая, что опасается за ненадежность документов.

– Пропуска настоящие! – успокоила офицеров хозяйка.

Она подробно рассказала, кого и как отыскать в Демурино и как дальше их поведут по цепочке к линии фронта.

Рано утром огородами и пустырями она проводила их до вокзала, дождалась, пока тронулся поезд, и еще долго махала им рукой.

Поручик Дудицкий неожиданно растрогался и даже смахнул благодарную слезу.

А Кольцов в самое последнее мгновение среди толпы провожающих успел выхватить взглядом сосредоточенные лица Красильникова и Фролова. Они не смотрели в его сторону – это тоже страховка, – хотя и приехали в Очеретино вместе с ним и теперь пришли на вокзал удостовериться, что все идет благополучно... Кольцов понимал, им хочется проститься, но они только сосредоточенно курили. Лишь на мгновение взгляд Красильникова задержался на нем – и это было знаком прощания...

* * *

Обсыпая себя черной шлаковой гарью, поезд двигался медленно, точно страдающий одышкой старый, больной человек. Подолгу стоял на станциях – отдуваясь и пыхтя, отдыхал, – и тогда его остервенело осаждали люди с мешками, облезлыми чемоданами, всевозможными баулами. Они битком набивались в тамбуры, висели на тормозных площадках. Станционная охрана бессильно стреляла в воздух, однако выстрелы никого не останавливали – к ним привыкли. Казалось, что вся Россия, в рваных поддевах и сюртуках, в задуду-

бевших полушубках и тонких шинельках, снялась с насиженных мест и заспешила сама не зная куда: одни – на юг, поближе к хлебу, другие – на север, дальше от фронта, третьи и вовсе метались в поисках невесты чего...

Мимо поезда тянулась продутая суховеями, унылая, полупустая степь, тщетно ожидавшая уже больше месяца дождя. Но дождя не было. Сухое, накаленное небо дышало зноем, проливая на землю лишь белый сухой жар. Кое-где стояли низкорослые и редкие, с пустыми колосьями, хлеба. Вызрели они рано: в середине мая – слыханное ли дело! – зерно уже плохо держалось в колосе и, сморщенное, жалкое, просыпалось на землю.

Степь поражала малолюдством. Лишь кое-где Кольцов замечал мужиков, словно нехотя машущих косами. Косилок вовсе не было. Видно, даже старые и хромые лошади были заняты на войсковых работах.

Кольцов стоял на площадке вагона и курил.

– Слышь-ка, парень, оставь покурить, – попросил бдительно сидящий на узле небритый дядька с мрачно сросшимися бровями.

Кольцов оторвал зубами конец цигарки и протянул дядьке окурочек.

Устало стучали колеса. В вагоне было душно, пахло карболкой, потом и овчинами. На полках и в проходах густо скучились люди. Сидели и лежали на туго набитых наторгованной рухлядью мешках, на крепко сколоченных из толстой фанеры чемоданах. Жевали хлеб. Дымили самосадам. Лениво переговаривались. Кольцов слышал отрывки чужих разговоров – ему было интересно знать, о чем думают люди, к чему стремятся, как пытаются разобраться в сложных событиях Гражданской войны. В дороге человек обыкновенно любит пооткровенничать; даже те, кто привык отмалчиваться, в дороге бросаются в спор.

– Мени уже все одно какая власть, остановилась бы только, – жалея себя, выговаривала наболевшее баба с рябым, простоватым лицом и в мужицких, не по ноге, сапогах. – Я вже третий день на оцэй поезд сидаю. Може, батько вже и помэр...

Было странно слышать, что кто-то сейчас, в такое время, может помирать своей собственной смертью, и люди отводили от женщины равнодушные глаза.

В другой компании дядька в чапане под ленивый перестук колес певучим голосом рассказывал соседям про свои мытарства, а выходило, что не только про свои – про общие.

– Кажду ночь убегаем из своего хутора в степь. То «архангелы» – трах-тарарах! – набегут верхами, то Маруся – горела бы она ясным огнем! – прискачет, то батька Ус припожалует. А теперь еще и батька Ангел в уезде объявился.

– Ну и с кем же они войну держат? – поинтересовался разговором протолкавшийся поближе мужик со сросшимися бровями.

Павел, прислонясь к двери, слушал: разговор поворачивался на самое главное – как жить теперь крестьянину, какой линии держаться.

– Бис их знает, – признался разговорчивый дядька в чапане, и в его голосе прозвучала уже не жалоба, а ставшая равнодушием обреченность. – Скачут по полю, пуляют друг у дружку, а хлеба им дай, сала им дай, самогону дай и конягу тоже дай. Скотину всю повыбили, хлеб вон на корню горит, осыпается...

– Беда, беда, – качнул головой небритый дядька, старательно заворачивая в тряпицу кольцовский окурочек, – ружьем его, сало, не испекешь...

– Выходит, нашим салом нам же по мурсалам, – философски заключил дядька в кожухе.

Разговор как костер: были бы слова – сам разгорится. С верхней полки – не выдержал! – отозвался мужик с тщательно расчесанной старообрядческой бородой:

– У нас то же самое. Налетели. Всех обобрали. Бумагу, правда, оставили для успокою. С печатью. Пригляделись, а на печати – дуля.

– «Всех обобрали»... У злыдня что возьмешь? – тихо сказал сидящий на уголке на мешках маленький горбатый мужичок. Он оценивающе стрельнул по сторонам живыми

цыганскими глазками и, убедившись, что публика вокруг него такая же мешочная да чемоданная, добавил: – За красных они.

– Може, за красных, може, и за белых, – дипломатично сказал мужик с верхней полки и с равнодушным видом почесал бороду. – Моему соседу Степке теперь все равно, за кого они были. Коня забрали и полруки шашкой отхватили, чтоб, значит, за коня не цеплялся. Так что ему теперь все одно, кто это были, белые или красные. У него-то руки нету – все!..

За тонкой перегородкой, в соседнем купе на нижней полке лежала еще довольно молодая женщина. Она была накрыта шубкой, а ноги – пледом. Ее бил озноб. Открыв затуманенные жаром глаза, она прошептала пересохшими белыми губами:

– Пить...

Узкоплечий мальчик в гимназической форме, который тоже прислушивался к разговору мужиков, встрепенулся, поднес к губам матери грелку.

– Пей, мама!

Женщина стала пить маленькими глотками, слегка приподняв голову, и тут же бесильно уронила ее на грудь.

– Что белые, что красные – все одно, – доносился из-за перегородки задумчивый голос дядьки с верхней полки. Видно, такой он человек: не выскажется до конца – не уймется. – Мужик на мужика петлю надевает. Про-опала Россия!

– Ты слышишь, мама... – прошептал мальчик, недружелюбно прислушиваясь к разговорившимся мужикам.

– Что? – тихо, отрешенно спросила женщина.

– Они белых ругают! – тихо возмутился мальчик.

– Они заблуждаются, Юра... Сейчас многие заблуждаются... – Несколько мгновений она молчала, откинув голову назад и закрыв глаза. Отдыхала или собиралась с мыслями. Затем снова прошептала: – Красные, Юра... красные – это... разбойники. Россию в крови потопить хотят. А белые против... против них... все равно как Георгий Победоносец... в белых одеждах... – Язык у нее стал заплетаться, потрескавшиеся от внутреннего жара губы еще плотнее сомкнулись, ей, видно, хотелось объяснить сыну смысл происходящего. Она собралась с силами и, преодолевая слабость и головокружение, продолжила почти восторженно: – Да, в белых одеждах... И совесть белоснежная, чистая. Поэтому белые... – И в самое ухо, словно дыша словами, совсем неслышно закончила: – Ты, Юра, должен гордиться, что твой отец в белой армии... Ты слышишь? Ты должен гордиться...

Мальчик слушал слова матери, и сердце его переполняла гордость за отца, потому что отец у него был красивый и добрый, а значит, и дело его должно быть красивым и добрым. Юра заботливо поправил в ногах матери плед и ответил:

– Да, мама. Слышу.

Пронзительно загудел паровоз.

Мать Юры открыла глаза и беспокойно спросила:

– Уже Киев?

– Нет, мама, Киев еще далеко.

Женщина бессильно откинулась назад, пряди волос открыли ее высокий, чистый лоб, и в неясной тревоге она сказала:

– Ты адрес помнишь?

– Помню, помню, мама, – успокоил ее мальчик. – Никольская улица.

– В случае чего, – через силу выговорила она, – дядя тебя примет... Он многим обязан папе...

– Не нужно об этом, – испуганно попросил мальчик: его все больше пугали слова матери, ее безнадежный тон, прерывистое, учащенное дыхание и холодный пот на лбу.

– Папа тебя разыщет... и вы будете вместе, – продолжала в горячке лепетать женщина.

– Не нужно! Не нужно! – настойчиво, в каком-то недетском оцепенении стал твердить Юра, и на глазах его выступили слезы жалости и первой обиды на мир. – Я не хочу, чтобы ты говорила об этом.

– Да, да, конечно, – отстраненно от жизни ответила мать. – Это я так.

...Возле ничем не примечательной станции поезд остановился. Из окна вагона хорошо была видна старая, с обшарпанными стенами водокачка.

Мать время от времени просила воды, Юра взял пустую грелку и поднялся.

– Не уходи от меня, Юра, – с последним усилием воли прошептала женщина, хотела взять его за рукав, потянуть к себе, но тут же впала в забытие.

Прижимая к груди грелку, переступая через узлы и вповалку спящих людей, Юра поспешно выбрался из вагона. Вокруг было пустынно. Минута-две понадобились ему, чтобы набрать в грелку воды и вернуться. Но вокруг вагона уже гудела толпа: люди набежали с пыльной привокзальной площади, из низкорослого пропыленного леска, который тянулся вдоль путей.

Всего несколько шагов отделяло Юру от вагона, но к нему никак нельзя было ни протиснуться, ни прорваться – густая стена неистово орущих, цепляющихся за поручни вагонов людей загородила ему путь. В слепом отчаянье мальчик кидался на чьи-то спины, узлы, чемоданы. Все это закрывало дорогу, высилось непроходимой стеной, в которой не было даже самой маленькой лазейки.

– Пустите! Пожалуйста, пропустите! – громко просил мальчик, пытаясь пробиться, протиснуться, вжаться в толпу – лишь бы поближе к вагону, где была его больная мать. – Пропустите! Я с этого поезда! Я уже ехал!.. – Но его голос тонул в истощном крике, визге и ругани множества глоток, крике, вобравшем в себя яростные проклятия отчаявшихся людей, громкий плач и мольбу...

Пронзительно, коротко свистнул паровоз, и на мгновение толпа умолкла, оцепенела, словно наткнулась на стену, и вдруг еще неистовей взорвалась гулом и подалась вся разом к вагонам, сминая тех, кто был вплотную к ним. Поверх взметенных голов, поднятых узлов, поверх чьего-то судорожно рубившего воздух кулака Юра увидел, как внезапно сместились, неотвратимо поплыли вправо облепленные раскрасневшимися мужиками и бабами крыши вагонов, и, рванувшись в последнем, отчаянном порыве, почувствовал впереди себя пустоту и на какое-то мгновение, словно зависнув над бездной, потерял равновесие, но тут на него всей своей тяжестью опять надвинулась толпа, и, сжатый со всех сторон людьми и узлами, задыхаясь от бессилия и страха, он наткнулся на ту же непреодолимую, неистово орущую преграду.

Теперь на Юру давили сзади, сильно давили в спину чем-то твердым. Он задохнулся было, захлебнулся собственным стоном и вдруг вылетел к самому краю насыпи. На мгновение обернувшись, увидел вплотную за собой высокого здорового парня в распахнутом, разорванном пиджаке, его широко открытый рот, выпученные глаза. Взмахнув большим баулом, которым действовал как тараном, парень забросил его на головы стоящих на подножке и вцепился в кого-то. Все это Юра охватил взглядом в мгновение и тут же забыл о парне. С трудом сохраняя равновесие, он стоял на самом краю насыпи и думал: вот сейчас он не удержится и полетит под колеса. Теперь все одно, теперь надо прыгать... Но куда? За что ухватиться?.. Юра весь сжался и в этот момент увидел, как человек во френче, расталкивая стоящих в тамбуре людей, ринулся к подножке, свесился, протянул руку... Неужели ему?..

Стараясь умерить дыхание, Юра стоял в тамбуре против Кольцова, благодарно и преданно смотрел ему в лицо карими продолговатыми глазами, губы его, по-мальчишески припухлые и чуть-чуть обиженные, особенно яркие на бледном лице, силились сложиться в улыбку.

– Благодарю вас, – сказал Юра. – Большое спасибо. Голос его прерывался: ему никак не удавалось сладить с дыханием.

Кольцов ободряюще похлопал Юру по плечу, ласково заглянул ему в глаза.

– Я с мамой. Она очень больна. Я, правда, пойду. Спасибо вам. Спасибо... – бормотал с радостной облегченностью мальчик, и в сердце его с опозданием хлынул ужас: а что, если бы отстал?..

В вагоне было все так же душно, но теперь этот спертый воздух не казался Юре таким противным, как в первые часы пути. И эти люди, пропахшие махоркой, неопрятные, суматошные и крикливые, сейчас уже почему-то не раздражали. Они были его попутчики, и он понемногу привыкал к их лицам, к их то раздраженным, то крикливо-властным, то спокойным голосам. Там, на насыпи, этот тесный, душный клочок мира ему представлялся чуть ли не землей обетованной, обжитой и хоть как-то защищенной от человеческой сумятицы и неразберихи.

Когда Юра добрался до своего купе, он увидел, что мама его лежит неподвижно, лицом вверх, с плотно сомкнутыми веками, но как только рука мальчика легла на ее лоб, она шевельнулась, открыла глаза.

– Юра, – заговорила она, едва слышно, с паузами, трудно проговаривая слова. – Юра, ты здесь... Никуда не уходи... – И слабой, сильно увлажнившейся рукой попыталась сжать его руку.

– Мама, ты попей, вот я принес... Тебе станет легче, да? – Юра осторожно приподнял ей голову, поднес к губам горлышко грелки. Она тяжело, задыхаясь, сделала несколько глотков, хотела было улыбнуться, но не совладала с губами, прошептала:

– Хорошо... Мне сразу лучше... но я отдохну еще. Мне нужно отдохнуть, – повторяла она, словно оправдываясь перед сыном за свое бессилие. И, опять закрыв глаза, затихла.

Поезд набирал скорость. Торопливо стучали колеса, вагон покачивало, что-то скрипело, дребезжало...

В купе, в котором ехал Юра с матерью, было немного просторней: на верхних полках люди лежали по одному, на нижней сидели трое. Один из них, мордатый, в поддевке, угрюмо сказал Юре:

– Слышь, барчук, надо бы вам сойти где-нибудь!

– Как сойти, почему? – встрепенулся Юра.

– Уж больно плоха твоя матушка, не довезешь, гляди! – сказал тот, стараясь не глядеть мальчику в глаза.

Губы у Юры задрожали.

– Нам надо в Киев...

– Так сколько еще до того Киева? До Екатеринослава-то никак не доедем! А она, сдается, у тебя тифует. Заразная.

– Не тронь мальчонку, без тебя ему тошно. – С верхней полки свесился человек в форме железнодорожника. – С такой ряшкой тебе на фронте воевать, а не тут с мальчонкой.

Юра вышел в коридор, встал возле соседнего купе: там ехали военные. Среди них Юра увидел и своего спасителя.

Высокий военный со смуглым, калмыцким лицом, щеголевато затянутый в новенькие, поскрипывающие при каждом движении ремни, возбужденно рассказывал:

– Что и говорить, Шкуро мы прохлопали. Его конный корпус зашел к нам в тыл и ударил по Тринадцатой армии. И конечно, белые прорвались к Луганску...

«Наверно, красный командир, – с неприязнью подумал о нем Юра, – вон как огорчается!»

– Это как же вас понимать, товарищ? – заинтересованно переспросил сидевший против рассказчика человек с глубокими залысинами, и Юре показалось, что слово «товарищ» он произнес с едва заметной иронией. – Выходит, красные... мы то есть... оставили Луганск?

– Да, позавчера там уже были деникинцы, – подтвердил человек с калмыцким лицом, передернув плечами, отчего ремни на нем тонко заскрипели.

Юрин спаситель в разговор не вмешивался. Он встал, равнодушно потянулся и полез на самую верхнюю, багажную, полку.

– А вы что же, товарищ Кольцов, решили поспать? – спросил все тот же, с глубокими залысинами. И Юра вновь приметил, что слово «товарищ» теперь прозвучало в иной тональности – в том круге людей, среди которых он жил с родителями, так произносили слово «господин».

– Да, вздремну немного, – уже с полки ответил Кольцов.

В купе стало тихо. Юра отвернулся к окну, начал смотреть на пробегающую мимо степь...

* * *

Полотно железной дороги было перегорожено завалом из старых шпал. Вокруг завала сновали люди. Одеты они были кто во что: в офицерские френчи, кожаные куртки, зипуны, армяки, гимнастерки, сюртуки, в жилетки поверх огненно-красных рубах. Мелькали среди них люди в бурках, в укороченных поповских рясах и даже в гусарских ментиках. Многие крест-накрест перепоясаны пулеметными лентами, на широких ремнях и на поясных веревках – рифленые гранаты, револьверы, у большинства в руках винтовочные обрезы. На головах картузы, бараньи шапки, шляпы и даже котелки.

Неподалеку, у больших дуплистых деревьев, было привязано десятка два лошадей. Тут же стояла тачанка с впряженной в нее тройкой гнедых коней. На задке тачанки косо прибита фанера с надписью: «Бей красных, пока не побелеют! Бей белых, пока не покраснеют!» В тачанке рядом с пулеметом стояла пишущая машинка. Над нею склонился огромный верзила, выполняющий обязанности пишбарышни. По другую сторону пулемета сидел сам батька Ангел в сером зипуне – кряжистый мужик с темным угрюмым лицом и неухоженной бородой.

Ровным сумрачным голосом батька Ангел диктовал очередной приказ:

– А еще объявляю по армии, что Мишка Красавчик и Колька Филин, которые вчера на хуторе Чумацком изъяли из сундука тамошнего селянина двадцать золотых царской чеканки и утаили их от нашей денежной казны, будут мной самолично биты плетью по двадцать раз каждый. По разу за каждый золотой. Все. Точка. Стучи подпись. Командующий свободной анархо-пролетарской армией мира и так далее...

Огромный детина печатал приказ на «ундервуде» с такой легкостью и быстротой, что самая первоклассная машинистка лопнула бы от зависти. При этом он еще успевал грызть семечки, кучей насыпанные рядом с машинкой.

– Написал?.. Так... Пиши еще один приказ... Не, не приказ, а письмо. Пиши. Разлюбезный нашему сердцу брат и соратник Нестор Иванович! Пишу вам письмо из самой гущи боев за нашу анархо-пролетарскую государственность...

В это время возле тачанки возник на запаленном коне парень в заломленной набок смушковой шапке.

– Батько, потяг подходит! – ликующе объявил он, и глаза у него бешено заплескали под смушкой.

– Ну, ладно. Опосля боя допишем, – сказал Ангел «машинистке» и, встав на тачанке во весь рост, протяжно скомандовал: – Готовсь к бою!..

Бандиты забежали, засуетились. Дождались! Наконец добыча! Те, что побойчей да порасторопней, повскакали на коней и, вытапывая последние хлеба, гикая и азартно выкрикивая матерную брань, помчались навстречу приближающемуся поезду.

...Тревожно загудел паровоз, резко, толчками стал останавливаться. И тотчас с двух сторон дробно застучали лошадиные копыта. Сухие щелчки выстрелов смешались с конским ржанием, выкриками и разбойничьим посвистом.

Пассажиры поднялись с мест, кинулись к окнам и увидели мчащихся к вагонам пестро одетых всадников. Следом тряслись несколько бричек. А уж за ними, изо всех сил волоча по пыли винтовки, бежали пешие.

Несколько пуль щелкнуло по крыше вагона. Со звоном разбилось стекло. Пассажиры отхлынули от окон.

Первым к площадке вагона подскочил широкоплечий парень с развевающимися соломенными волосами. У него было круглое благообразное лицо, правда побитое оспой, – в другое время и в иной ситуации он бы скорее сошел за добросовестного пахаря и примерного прихожанина, нежели за грабителя. Лихо, прямо с седла он прыгнул на вагонную площадку. Следом, цепляясь друг за друга, в вагон ввалилось еще несколько человек.

В коридор навстречу бандитам выскочили командиры Красной Армии, за ними – всполошенные гиканьем и выстрелами Волин и Дудицкий. Но от двери в конце коридора неистово крикнули:

– Наза-ад! Не выходить!

Один из командиров поспешно отстегнул кобуру, рванул наган.

Светловолосый бандит кинулся всем корпусом вперед и почти не целясь, привычно, навскидку выстрелил – командир выронил наган и, недоуменно прижимая руки к животу, рухнул на пол.

Остальные шарахнулись обратно на свои места.

– Молодец, Мирон! – похвалил светловолосого тот, что был в смушковой шапке. Поигрывая плетками, они пошли по вагону.

– У кого еще пистолы есть?

Пассажиры подавленно молчали, отводя глаза в сторону: не дай Бог что-то во взгляде не понравится!

Светловолосый встал перед командирами Красной Армии. У него не было передних зубов, и он нещадно шепелявил:

– Кто такие будете?

Командир с калмыцким лицом посмотрел на убитого товарища, зло ответил:

– Не видишь, что ли? Командиры Красной Армии!..

– Ты гляди, еще шебуршатся! – удивленно покачал головой бандит в смушковой шапке. – А ну, выходи на свет Божий!

Командир с калмыцким лицом взглянул на еще одного своего, совсем юного, товарища, и тот встал рядом с ним. Они молча вышли из вагона.

– Мирон! Как думаешь, в расход их или же батьке показать? – обернувшись, спросил ангеловец в смушковой шапке. Его так и распирало от сознания, что в его руках столько людских жизней.

– Всех военных батько велел сперва ему показывать! – неохотно сказал Мирон и установился на поручика Дудицкого: – А ты почему не выходишь?

Поручик, криво усмехаясь, ответил:

– Видите ли, мы... мы с этими людьми ничего общего не имеем...

– Короче! – потребовал Мирон и недобрыми глазами посмотрел прямо в переносье поручика, словно прикидывая, куда выстрелить.

Тогда Волин отстранил Дудицкого и сухим, официальным голосом сказал:

– Я так понимаю, что вы наши союзники в борьбе с красными?

– Чего? – не понял Мирон.

– Мы – офицеры. Офицеры белой армии, – пояснил Волин. – Я – ротмистр, он – поручик...

– Беляки, значит? – криво ухмыльнулся Мирон. – К Деникину чесали?.. Ступайте туда же, до компании с красными!

– Ну, и зачем мы вам? – насмешливо подняв бровь, спросил Дудицкий. – Не думаете же вы, что мы станем у вас служить?

– Батяко любит таких, как вы... расстреливать. Самолично, – объяснил Мирон, наслаждаясь недоумением господ белогвардейцев. – И белых, значит, и красных.

– Какой еще батяка? – не понял Волин.

Мирон с головы до ног смерил его удивленно-насмешливым взглядом, пренебрежительно сказал:

– На сто верст вокруг тут только один батяко. Батяко Ангел. Если он пожелает, может, перед смертью будете иметь счастье побеседовать с ним...

Затем ангеловцы согнали всех военных в одну группу. Кольцова среди них не было.

Мирон угрюмо и деловито оглядел красных командиров и офицеров, словно отыскивая, к чему придраться, задержал взгляд на начищенных до блеска сапогах ротмистра Волина, отставив ногу вперед, спросил:

– Какой размер?

– Что? – Волин поднял на него глаза, в которых было неприкрытое презрение.

– Сапоги, спрашиваю, какого размера?

– Сорок второй.

– Павло, а Павло! – бросил ангеловец куда-то вдоль вагонов.

– Чего? – отозвалась издалика смушковая шапка.

– Погляди на сапоги, вроде получшее моих будут! – выказал хозяйственную жилку Мирон и строго прикрикнул на Волина: – А ну, ваш благородь, скидывайте сапоги! Все одно они вам уже больше не пригодятся... Да поживей, рас-тара-рах! Что за народ! А еще офицеры!

Волин нехотя сел на землю и стал снимать сапоги, губы у него дрожали от обиды и бессилия.

Мирон насмешливо любовался унижением ротмистра, а когда ему это наскучило, перевел взгляд своих беловатых глаз на Дудицкого. Из левого кармана кителя поручика свешивалась цепочка. Мирон ловким движением потянул за цепочку, извлек часы и опустил их себе за пазуху.

– Ах, лучше бы я их подарил Софье Николаевне! – невольно вырвалось у поручика.

– Чего бормочешь? Ну, чего бормочешь, белогвардейская шкура! – лениво ошетинился Мирон. Он уже утратил интерес к пленным и с безразличным видом отвернулся.

Несколько конных ангеловцев с карабинами наизготовку окружили пленных военных и погнали их в сторону от железной дороги, напрямик через степь.

А Мирон и Павло, сбыв пленных, заторопились обратно в вагон, где продолжался грабеж, слышались истошные крики, бабьи визгливые причитания, униженные мольбы владельцев тучных узлов. Иногда раздавались гулкие одиночные выстрелы.

Затравленно прижимаясь к больной матери, Юра расширенными от ужаса глазами смотрел, как вооруженные люди стаскивали с полок чемоданы, швыряли их на пол и разбивали, как тащили узлы, корзины с едой и скарбом и бросали через окна вагонов.

Внезапно Юра почувствовал толчок в спину носком сапога. И кто-то над его головой весело и зычно гаркнул:

– Мирон, я тут шубу нашел! В аккурат такая, как Оксана просила.

Юра обернулся, но увидел перед собой сапоги с тяжелыми подошвами, длинные ноги в фасонистых галифе. Рядом, как змея, покачивалась ременная плеть.

– Бери! – слышался другой голос.

– Так в ей человек!

Мирон возник рядом с Павлом как из-под земли. Хозяйски оглядел шубу, которой была укрыта мать Юры, и даже не выдержал – погладил своей большой рукой нежно струившийся мех.

– Хороша-а шуба-а! – медленно и удивленно протянул он, еще чувствуя на ладони влажный холодок от прикосновения к меху.

Юра вскочил, глаза у него горели негодованием, он быстро заговорил, запинаясь и размахивая руками:

– Не трогайте маму! Она больна. У нее температура!

– Смотри, слова-то какие знает! Господчик! – насмешливо сказал Павло и выразительно поиграл плетью. У него было грубое скуластое лицо с красноватыми, обветренными щеками, из-под заломленной смушковой шапки на лоб ниспадали темные волосы.

– Живее, Павло! Торопись! – нетерпеливо приказал Мирон, жалея, что не он первым обнаружил шубу.

– Не трогайте маму! – уже закричал Юра. – Слышите, вы! Не тро...

Мирон схватил Юру за воротник. Взгляд Юры в упор уткнулся в тусклые зрачки, в рябое лицо.

– Что, любишь мамочку? – Мирон поволок Юру к двери и с силой толкнул. А сам торопливо вернулся к Павлу, который – уже с шубой в руках – обыскивал других, перепуганных насмерть пассажиров и старательно рассовывал по оттопыренным карманам бумажники, кольца, часы.

– Так... здесь все чисто, – удовлетворенно сказал он.

Но тут его внимание привлекла толстая, аккуратно обернутая в газету книга, лежавшая на полу. Он поднял ее, послушав палец, перевернул первую страницу и, медленно шевеля губами, прочитал по слогам:

– «Ка-пи-тал». Ого! – восторженно удивился он. – Гляди, чего читают!

– Возьми, – посоветовал Мирон.

– Зачем? – удивленно взглянул на него Павло.

– Прочитаешь, будешь по-ученому капитал наживать, – наставительно произнес Мирон.

Павло по-хозяйски сунул книгу в торбу и пошел дальше.

Мирону же что-то почудилось, легкий какой-то шорох наверху. Он встал на лавку, затем на столик. Потянулся к самой верхней полке. И уперся глазами в черный ствол нагана, который направил на него Кольцов.

Павло, вышагивая по вагону, обернулся, издали полубопытствовал:

– Ну что, есть там кто?

– Н-никого, – выдавил из себя Мирон и, повинувшись движению неумолимого зрачка нагана, медленно, как лунатик, сполз вниз. Не оглядываясь, так же медленно и осторожно, словно боясь задеть за что-нибудь хрупкое, вышел в коридор, сделал несколько шагов. Остановился. И вдруг резко рванулся в соседнее купе, выхватил кольт и разрядил всю обойму в верхнюю часть перегородки. Полетели щепки.

Настороженно прислушался. Тишина.

– Ты чего? – спросил прибежавший с револьвером в руке Павло.

– А ну погляди, прикончил я того гада, что наверху? – приказал Мирон.

Павло боязливо привстал на столик и так же боязливо заглянул на полку – там никого не было. Павло облегченно покачал головой.

...Юра еле-еле поднялся с насыпи. Болела шея, саднило локти, по всему телу разливалась вязкая, ватная слабость, удушливый комок подступил к горлу. Возле состава суматошно метались бандиты, тащили узлы, чемоданы, по жнивью тряслась тачанка с пулеметом.

Поравнявшийся с вагоном всадник, бросив поводья на луку седла, с удовольствием разглядывал новенький «трофейный» френч. И вдруг что-то большое, темное пронеслось мимо Юры, обрушилось на всадника. Бандит, выронив френч, полетел на землю. А в седле уже оказался другой человек. Вздвиг коня, повернул его в степь. Лицо всадника на мгновение открылось Юре – он узнал Кольцова.

Раздались крики, кто-то выстрелил. И еще... Всадник скакал по жнивью. И тут наперез ему помчалась тачанка.

Юре было хорошо видно, как здоровенный детина, прильнув к пулемету, долго старательно целился – видимо, никак не мог поймать скачущего всадника в рамку прицела.

– Живьем его! Живьем его берите! – услышал Юра чей-то хриплый, злорадный крик.

Резанули очереди – и конь на всем скаку рухнул. Всадник вылетел из седла и кубарем покатился по земле. Затем торопливо вскочил, чтобы бежать. Но к нему со всех сторон уже неслись ангеловцы.

Глава третья

Юрина мама умерла тихо, не приходя в сознание.

Когда ангеловцы умчались в степь, когда их последняя, тяжело груженная награбленным добром бричка скрылась за горизонтом и за ней рассеялось рыжее облако пыли, людей покинуло оцепенение, они задвигались, заговорили, стали выходить из вагонов.

Вынесли убитых и уложили их рядышком на траву. Убитых было одиннадцать.

Двое мужчин подхватили легкое тело Юриной матери и тоже вынесли из вагона, положили в ряд с убитыми.

Юра, натываясь на людей, как слепой, пошел следом, присел возле матери. Он не плакал – слезы где-то внутри его перегорели. Он отрешенно смотрел на изменившееся, внезапно удлинившееся мамино лицо, как будто она вдруг чему-то раз и навсегда удивилась...

С Юрой пытались разговаривать, но он не отвечал.

Кто-то сердобольный настойчиво пытался всунуть ему в руку вареное яйцо и пирожок с гороховой начинкой. Он молча принял и бережно положил у изголовья матери, еще не смея поверить в то, что она умерла. Все вокруг казалось Юре зыбким, нереальным.

Трое паровозников принесли лом и две лопаты. Стали долбить землю прямо возле дороги. Но потом подошел еще кто-то и посоветовал копать дальше, под деревьями. Земля там мягче, и место заметнее.

Наскоро вырыли неглубокую яму, стали переносить мертвых.

Юра огляделся, увидел разрытую землю, людей, которые осторожно поднимали убитых... Какая-то неясная, неоформившаяся мысль не давала ему покоя. Что-то он должен был сделать для мамы. «Но что, что?» – не мог он сосредоточиться. Юра погладил ее голову, лицо, непривычно холодное и отчужденное.

Рядом железнодорожники покрывали рогожей тело убитого. Юра всматривался – это был тот здоровенный голубоглазый парень, который невольно помог ему пробраться к поезду, тараня толпу баулом. «И он тоже? – вяло подумал Юра. – Только что был живой, такой сильный, и вот нет его. И мамы нет... Сейчас ее унесут, положат вместе со всеми...»

И вдруг он понял, что должен сделать, беспокойно задвигался, отвернул полу своей гимназической куртки, нащупал под подкладкой небольшой пакет: это мама зашила ему, когда они собирались в дорогу. Там были два колечка, сережки, еще какая-то безделушка. Нетерпеливыми, непослушными пальцами Юра пытался оторвать подкладку, но зашито было крепко, и тогда, нагнувшись, он рванул ее зубами – вот он, пакетик. Вскочив, Юра направился к железнодорожникам, напряженно вглядываясь в их лица.

Потом он никак не мог вспомнить, что же говорил, как упросил их вырыть для мамы отдельную могилу. Вначале его и слушать не хотели, а когда он раскрыл ладонь с мамиными драгоценностями, самый старший из железнодорожников, еще больше посуровев лицом, решительно отодвинул его руку:

– Эх, баринок, не все купить можно, а ты... Убери, спрячь.

И Юра, испугавшись, что рассердил этих людей, что сам все испортил, заговорил еще горячее, бессвязней. И его боль, его горе, видимо, и помогли. Тут же, рядом с общей могилой, железнодорожники выкопали еще одну, совсем маленькую. И Юра копал вместе с ними, второпях, неумело, не помогая ничуть, а скорее мешая, но никто не сказал ему об этом, никто не отстранил. И вновь все звуки, все движения возле него ушли куда-то далеко, прикрылись плотной пеленой.

К Юре подходили мужчины и женщины, говорили, что скоро уйдет поезд, что ему нужно ехать, что маму не вернуть и следует подумать о себе.

Юра оцепенело сидел возле могилы, не поднимая головы, и единственное желание владело им – чтобы все ушли, оставили его в покое. Ему нужно было разобраться, понять происшедшее.

Потом несколько раз протяжно гудел паровоз. Заскрежетали, трогаясь с места, вагоны. И вскоре все затихло...

Словно подчеркивая глубокую степную тишину, где-то неподалеку от Юры закричала перепелка: «Пить-полоть!» Отозвалась другая. Взметнулись в небо жаворонки. Жизнь продолжалась...

Только теперь, когда вокруг никого не было, Юра дал волю слезам. Он плакал, прижав лицо к земле, не ощущая ее колючей сухости. И еще долго лежал, прижавшись к могильному холмику: то ли спал, то ли грезил.

Он увидел большую комнату в их имении под Таганрогом, любимую комнату с высокими зеркальными окнами, с камином, перед которым мог просиживать часами, безотрывно следя за причудливой игрой огня, своей фантазией оживляя страницы прочитанных книг. Бесконечно долго мог бродить Юра в этом выдуманном мире, и только голос мамы и ласковые ее руки возвращали его к привычному теплу родного дома.

На краю их огромного парка росли густо сплетенные кусты бузины, пробивавшаяся сквозь них тропинка вела к пруду. Здесь, среди тишины и полного безлюдья, были у Юры места не менее любимые, чем старое кресло у камина. Возле пруда и разыскал его в тот летний день их старый садовник. «Барин, вас зовут», – сказал он. А по тропинке к пруду бежала мама в белом платье, праздничная, сияющая, следом за нею легко и упруго шел высокий офицер с загорелым лицом. Это был отец. Он приехал с войны, с фронта.

Втроем они ходили по парку, и мама тихо и напевно читала тихи. Ее голос то звенел, то замирал, глаза мерцали, лицо бледнело от волнения, и Юра заражался этим волнением, ощущением чего-то невыразимо прекрасного, ради чего хотелось жить и мечтать.

Тот приезд отца был последним – началась революция. С тех пор в Юрину жизнь ворвалось так много непонятного, трудного, произошло так много перемен. Знакомые, посещавшие Львовых, прежде такие уверенно-спокойные, стали суетливыми, они часто спорили. Мама отсылала Юру из комнаты, но он слышал обрывки их разговоров, хотя и велись они вполголоса. Единственное, что он понял, – это начавшееся противоборство красных и белых. Красные подняли смуту, разрушили прежнюю жизнь, а белые встали на ее защиту, и скоро, очень скоро все будет по-прежнему.

Проходили дни, но ничего не возвращалось...

Незадолго до их отъезда в Киев незнакомый человек принес маме весть, что папа жив и находится в Ростове. Этот человек и посоветовал маме ехать в Киев. Юра слышал, как он сказал: «Наши скоро там будут, и вы встретитесь с мужем...»

Что же теперь станет с Юриной жизнью, теперь, когда все рухнуло?

...Склонилось к горизонту большое, расплавленное от зноя солнце. Тень от деревьев легла на могилу. Прошелестел сухими листьями ветер – предвестник наступающей ночи.

Юра не знал, как ему жить дальше, что делать, как поступить. Добираться ли к дяде в Киев или, быть может, вернуться обратно, в пустой, покинутый ими дом?

В звонкой степной тиши он вдруг явственно услышал далекие раскаты грома. Впрочем, небо было ясное, без единого облачка. Юра понял, что это не гром, а звуки далекой артиллерийской канонады. Значит, там идет сражение.

Юра быстро поднялся, сразу решив идти туда – ведь там воюет с красными его отец. Он так обрадовался канонаде, подсказавшей ему выход из этой безысходности.

Перед ним забрезжила надежда, и потерять ее было невозможно. И Юра пошел в сторону канонады. Он шел, часто оглядываясь на могильный холмик, пока не затерялся этот холмик среди неровностей степи.

Впереди темной гребенкой встал лес.

Не колеблясь, Юра вошел в него. Он не выбирал дороги, шагал напрямик, иногда продираясь через низкорослый кустарник, брел в высоких росных травах.

– Стой! – Окрик прозвучал неожиданно резко, как удар. И Юра, присев, ткнулся головой в кусты. – Кто идет? – спросил тот же голос, клацнул затвор. И через мгновение кто-то по-прежнему невидимый приказал: – Выходи, стрелять буду!

Втянув голову в плечи, всматриваясь в темноту, Юра медленно пошел вперед. Исподлобья глядел туда, откуда звучал голос.

– Подойди ближе!

Юра сделал еще несколько шагов и оказался в центре крохотной поляны.

– Гляди, мальчонка!

Человек вынырнул из темноты буквально в двух шагах. Именно вынырнул, сразу, как из воды. В бушлате, на голове фуражка со звездой. Это был Семен Алексеевич Красильников. Рядом встал еще один человек, с винтовкой...

Проводив Кольцова, Красильников в тот же день выехал на автомобиле в прифронтовую полосу. Фролов остался в Очеретино, в дивизии.

После прорыва белых в районе Луганска была спешно разработана операция, которая, по мнению командования, могла приостановить быстрое продвижение противника. Для этого предполагалось скрытно передислоцировать все тяжелые орудия – несколько дивизионов – к рокадной дороге, в район предполагаемого движения противника. Расчет был такой: когда пехота и конница белых втянутся в пойму реки, по которой проходила дорога, артдивизионы одновременно на десятки километров обстреляют противника ураганным огнем. После этого из засад выдвинутся батареи трехдюймовых орудий и накроют его шрапнелью. Остальное доделают броневики с пулеметами и конница. Секретность операции обеспечили сотрудники особого отдела, которыми командовал Семен Алексеевич.

К вечеру Красильников добрался до артиллерийского дивизиона, неподалеку от села Ивановполье, и тут же отправился осмотреть окружающую местность, проверить, не упущено ли что-нибудь важное. В это время он и наткнулся на Юру...

Юра враждебно всматривался в стоящих перед ним незнакомых людей. «Красные, – неприязненно подумал он, – а может, бандиты, те, что налетели на поезд». И он невольно подался назад.

– Ну-ну, не бойся, – ласково и в то же время предостерегающе сказал Красильников. – Куда идешь? Откуда?

Юра молчал.

– Ну и долго мы так в молчанку играть будем? – уже строго сказал Красильников. – Отвечай!

Юра долго с ненавистью смотрел на Красильникова. Все накопившееся в его душе горе, вся невысказанная обида сдавили ему горло, и он истерично закричал:

– Я ненавижу вас! Ненавижу! Ненавижу!.. – и, опустившись на траву, бессильно разрыдался.

Красильников склонился к Юре, тихо сказал:

– Чудно получается! Мы только увидели друг друга... познакомиться не успели, а ты уже ненавидишь? Это за что же?

– Всех вас! Бандиты вы! Бандиты!.. – глотая слезы, еще более слабея от отчаяния, чувствуя себя беспомощным, маленьким и никому не нужным, выкрикивал Юра.

– Давай мы с тобой вот о чем договоримся! – Красильников положил широкую, успокаивающую ладонь на худенькое плечо Юры. – Ты не кричи. Я ведь вот не кричу. А если, брат, закричу, громче твоего выйдет.

– Все вы бандиты! – иступленно твердил Юра, глядя затравленными глазами то на часового, то на этого спокойного, неторопливого человека в бушлате.

Красильников поморщился. Он понимал, что такое отчаяние возникло от чего-то неправимого, страшного. Стараясь быть как можно спокойней и мягче, произнес:

– Ну, так мы с тобой ни до чего не договоримся. Заладил свое: «Бандиты, бандиты».

– А кто же вы? – Мальчик исподлобья с недоверчивым любопытством взглянул на Красильникова.

– Вот это уже другой разговор. Я – командир Красной Армии, – полунаставительно-полушутливо, как обычно говорят с капризными детьми, сказал Красильников. – А зовут меня Семеном Алексеевичем. Можешь меня звать просто дядей Семеном. А тебя как величать?

Юра помедлил с ответом, огляделся по сторонам. Эх, сейчас бы вскочить и броситься в кустарник – не догнали бы! А дальше что? Снова идти куда глаза глядят, неизвестно к кому, неизвестно навстречу чему?

– Так как же тебя зовут? – с мягкой настойчивостью повторил вопрос Семен Алексеевич.

Что-то дрогнуло в сердце мальчика, и он безразличным тоном, чтобы не подумали, что он струсил и сдался, ответил:

– Ну, Юра...

– Ну вот! Юрий, значит?.. – неподдельно обрадовался Красильников, проникаясь непонятной нежностью к этому настороженному, но умеющему самостоятельно держаться мальчику. – Познакомились! Пойдем, как говорится, дальше. Поскольку ты, человек гражданский, оказался на территории, где располагаются военные, я по долгу службы обязан выяснить, кто ты, откуда и куда идешь.

– Какой же вы военный? – с презрительной усмешкой сказал Юра. – Я вот возьму наган и тоже буду военным?

– Хм, – озабоченно вздохнул Красильников. – Кто же тогда, по-твоему, будет военный?

– У кого погоны! – с вызовом выпалил мальчик, лгать он не умел.

– Вот теперь все понятно!.. Должно быть, у твоего отца есть погоны? – многозначительно взглянув на стоящего рядом часового, сказал Красильников.

Юра не ответил.

– Скажи, а с кем же он воюет, твой отец? С гражданским населением, что ли?.. Ну, брат, и половина у тебя в голове! – энергично покачал головой Красильников. – Ладно! Разговор у нас с тобой завязался серьезный. А время позднее, так что иди за мной.

Юра осторожно шагнул в темноту следом за Красильниковым. Сзади к ним пристроился боец с винтовкой. Так, гуськом, они шли довольно долго. Юра хорошо видел спину того, кто назвался Семеном Алексеевичем. Он шел легко. Спина была гибкая, широкая. Выпирающие лопатки мерно двигались вверх-вниз. У пояса покачивался маузер в деревянной колодке.

Вскоре деревья расступились, и они вышли на большую поляну. Здесь горели костры, вокруг которых группами сидели люди. В отсветах пламени на фуражках поблескивали звезды. У коновязей фыркали и шуршали сеном лошади. Артиллеристы возились у лафета большого и высокого орудия, ствол которого уходил в темное небо.

– Где командир? – спросил Красильников.

– Это кто там меня спрашивает? – раздался недовольный голос, и перед ними встал высокий человек с биноклем на груди. Склонив голову набок, он внимательно рассматривал Юру. – А это что за личность?

– Да вот, мальчонку в лесу подобрали, – сказал Красильников.

– Кто таков? Откуда и куда направлялся? – спросил командир дивизиона, ловко скручивая козью ножку. – Почему оказался в лесу? Один шел или с тобой еще кто был?

– Человек спрашивал коротко и сердито. Казалось, он не обращал внимания на то, что перед ним мальчик, и оттого его вопросы звучали казенно.

– Я с поезда... – тихо сказал Юра. – Ехал с мамой в Киев, к родственникам. А по дороге на поезд напала банда... Мама умерла. Ее похоронили там, в степи. – Юра дальше ничего не мог вымолвить – горло снова перехватили слезы, перехватило дыхание.

Подходили бойцы, понимающе слушали. Один не выдержал, выругался, сказал:

– Это Ангел, его работа.

Командир хмуро подтвердил:

– Да, это банда Ангела. Мне докладывали, они тут неподалеку на хуторах объявились. – Он перевел невеселый, недоуменный взгляд на Красильникова и, хмуро кивнув на Юру, спросил: – Ну и куда ж ты его, Семен Алексеевич?

Моряк решительно заявил:

– До утра пусть в дивизионе побудет, а там подумаем!..

Юре отвели самое лучшее место – на снаряжных ящиках, аккуратно сложенных друг на друга. Поверх камышовой подстилки Семен Алексеевич бросил ватную попону, от которой исходил легкий запах лошадиного пота и свежей, луговинной травы, и укрыл Юру шинелью.

– Намаялся ты за день, парень! – сочувственно и чуть грубовато сказал Красильников. – Спи. И не вздумай бежать. Часовые стрельнут.

Над головой у Юры в иссиня-черной вышине мерцали большие зыбкие звезды, а еще дальше, там, в глубине ночного неба, как желтый речной песок, явственно проступала звездная пыль. Такими яркими и большими звезды видятся только в лесу или в горах, где воздух чист и прозрачен. Юра смотрел на звезды и невольно прислушивался к ночной жизни артиллерийского дивизиона. Вокруг все позвякивало, топало, бубнило человеческими голосами, слышались удары лопат о землю, негромкая ругань, конское ржание.

Все больше погружаясь в сон, Юра думал о том, что ему нужно будет во что бы то ни стало добираться, как велела мама, в Киев, к дяде, что красные отступают и, наверное, скоро оставят этот город и что папа обязательно приедет в Киев и разыщет его.

Неслышно подошел Красильников, озабоченно спросил:

– Спишь?

Юра не отозвался. Ему не хотелось разговаривать с красными.

– Жаль... Хотел чаем побаловать... – тихо сказал моряк и бесшумно исчез в темноте.

Еще какое-то время Юра думал о папе, о войне, об этом странном человеке в бушлате, непохожем на красного злодея, и незаметно для себя заснул.

...Проснулся он от грохота.

Все вокруг было в грязно-желтом дыму. И в нем, как призраки, метались изломанные человеческие фигуры. Кто-то склонился к самому Юриному уху и закричал:

– Вставай, сынок!.. Ох, мать их, продали нас!..

Это был командир дивизиона. Он дернул ошарашенного Юру за руку, потащил за собой.

Дрогнула земля. Воздух стал нестерпимо твердым. Сноп огня взметнулся там, где только что спал Юра.

И снова нарастающий вой снаряда. Взрывной волной Юру швырнуло на землю... Рядом с собой он увидел лежащее на боку огромное орудие. Поискал глазами командира дивизиона. И тотчас увидел его на земле, с лицом, залитым кровью. Командир несколько раз произнес:

– Беги, сынок... Беги! – и затих.

Юра боязливо еще раз взглянул в его сторону. Глаза командира были широко раскрыты и незряче смотрели в небо. В углах губ пузырилась кровь. Юре стало так страшно, что отнялись руки и ноги – он никак не мог сдвинуться с места. Потом откуда-то вынырнул запыхав-

шийся Красильников, несколько мгновений он, склонившись, стоял над командиром, словно размышляя, что же предпринять, затем поднял Юру и, весь во власти бессильного гнева, хрипло, но решительно сказал:

– Пошли.

Они спустились в неглубокий овраг, торопливо двинулись по его дну.

Шагая рядом, моряк сумрачно поглядывал на Юру, потом сказал:

– Ну прямо тебе чистый расстрел, – и через несколько шагов добавил: – Вот что может сделать один предатель. – И вдруг резко остановился, придержал рукой Юру: – Послушай, а ну-ка скажи мне толком, кто ты есть?

Юра растерян молчал.

– Ну! – с нарастающей подозрительностью сказал моряк. – Тебя кто сюда прислал?

– Никто меня не посылал... – Юра смотрел прямо в его внезапно ставшие недоверчивыми глаза и угрюмо добавил: – Я же говорил – ехал с мамой в Киев...

– Ну да, к дяде. Это я уже слышал. А ты правду выкладывай. Всю как есть! Все равно ведь узнаем! – торопливо, словно пытаясь уверить себя в своем подозрении, бормотал моряк.

– Я и так правду!.. Я же вам правду!.. – так же торопливо и обиженно старался его уверить мальчик.

Но тут моряк, к чему-то настороженно прислушиваясь, схватил Юру за руку. Послышался конский топот, громыханье. Моряк потянул Юру вниз, на землю, прошептал:

– Не шевелись! Может, беляки. – А сам осторожно поднял голову, осмотрелся. Потом вдруг вскочил, замахал руками: – Эгей, товарищи, погодите!

Теперь и Юра безбоязненно поднял голову и увидел несколько телег с ранеными красноармейцами, которые ехали, свесив ноги на землю, словно с сенокоса. За ними две упряжки лошадей тащили осевшее набок орудие.

Семен Алексеевич объяснил что-то одному из бойцов, указывая глазами на Юру, затем усадил его в телегу, а сам пошел рядом. Ехали долго, к полудню подъехали к окраине города. На узкой кривой улочке Семен Алексеевич помог Юре спрыгнуть с телеги, и они пошли к кирпичному дому, около которого стоял часовой.

– Товарищ Фролов здесь? – спросил Красильников часового.

– Со вчерашнего дня не уходил, – ответил часовой.

Моряк повел Юру на второй этаж и оставил в пустом коридоре с отбитой штукатуркой. Сам скрылся за дверью, но почти сразу вернулся, позвал:

– Идем.

В большой комнате, куда следом за моряком вошел Юра, лицом к двери за пишущей машинкой сидела молодая женщина.

Заглядывая через ее плечо в листы бумаги, что-то диктовал человек в длинной кавалерийской шинели. Оба обернулись и взглянули на Юру, а он каким-то неведомым чутьем понял, что не они здесь главные. Мальчик перевел взгляд дальше и увидел человека в легкой тужурке, сидящего к нему спиной. Худая шея с глубокой впадиной и особенно спина с острыми лопатками выражали крайнюю усталость.

Усталый человек медленно повернул голову. Блеснул сощуренный глаз, вокруг которого сбежались морщинки.

– Здравствуй. Проходи, садись! – сказал Фролов Юре.

Мальчик сел, растерян глядя в худощавое, гладко выбритое лицо с отечными мешками под глазами, с красноватыми припухшими веками, но с выражением живым и энергичным.

– Как тебя зовут? – неторопливо рассматривая Юру с ног до головы, спросил Фролов. – Неплохо, если и фамилию скажешь!

– Юра... Львов, – стараясь выглядеть независимым, ответил мальчик.

– Рассказывай, Юра...

– О чем? – удивился Юра.

– Глаз у тебя молодой, острый, вот и расскажи, как все было в артдивизионе.

– А что рассказывать? – насупился Юра. – Я спал. А потом проснулся. Снаряды рвутся.

Прямо рядом...

– Во-во! По дивизиону, как по мишеням. Каждый снаряд – в цель, – вклинился в разговор Красильников. – И что главное – никто никуда не уходил.

Фролов сидел, прикрыв тонкой рукой глаза, давая Семену Алексеевичу выговориться. Затем поднял голову, несколько раз моргнул припухшими веками и снова спросил Юру:

– Так родители твои где?

– Мама умерла... – не понимая, чего от него хотят, и удивляясь этой странной настойчивости, чуть слышно прошептал Юра.

– А отец? – продолжал добиваться своего Фролов.

Юра нахмурился. Передернул плечами и не стал отвечать. Тонкие пальцы Фролова дрогнули, забарабанили по столу. Он поднял на Юру пристальные, пронизательные глаза.

– У белых?

– Да. – Несколько мгновений Юра молчал, затем добавил с вызовом: – Мой папа – офицер. Полковник.

– Понятно, – испытующе и озабоченно глядя в глаза мальчику, сказал Фролов. – А родственники, говоришь, в Киеве?

– Да, – опять односложно ответил Юра. В его кратких ответах чувствовалась неприязнь к этим людям, чего-то настойчиво добивающимся от него.

– Ну, иди пока, погуляй. Нужен будешь – позовем.

Юра вышел в другую комнату. Постоял немного там. Потом сбегал по лестнице вниз, скучающей походкой прошел мимо часового, измученного бессонной ночью.

– Жара! – пожаловался часовой и, утомленный, прислонился щекой к штыку. – Ты только гляди, не шмыгни куда.

Юра медленно спустился с крыльца, зашел за угол дома. Часовой не смотрел в его сторону, видимо, стоя дремал.

...Когда Красильников и Фролов остались в комнате одни, моряк задумчиво сказал:

– И ведь что характерно: окромя этого мальчика, у нас на батарее никого не было.

– Ты прав... это предательство, – тихо обронил Фролов. – Только парнишку зря сюда приплел. Звонили из штаба артполка. Одновременно обстреляли все батареи. Кроме той, что мы вчера не успели перебросить на новый участок. Соображаешь?

Моряк поднял вопрошающие глаза на Фролова.

– Предатель находился не на батарее и не в артдивизионе. Да, наверно, и не в штабе группы. Скорее всего, в штабе армии.

– Ах ты ж, вошь тифозная! – стукнул по столу кулаком моряк. – Ну, теперь все понятно!..

Фролов поморщился:

– А мне – нет. Напиши записку коменданту, пусть посадят парнишку на поезд. Куда он ехал?

– А шут его знает.

Красильников подошел к двери, выглянул в коридор. Мальчика там не было. Он спустился по лестнице вниз, вышел на крыльцо.

– Мальчишку не видел? – спросил у часового.

– Вертелся тут... – Нерасторопный часовой подтянулся, взглянул на Красильникова. – А что, не надо было выпускать?

– Да нет... ничего...

А в это время Юра мчался под залиvistый собачий лай по кривым улочкам городка. Перемахнул через высокий забор, пробежал по огородам и выскочил к пустырю, в конце которого виднелась железнодорожная станция.

Глава четвертая

Общее наступление, которое предпринял главнокомандующий вооруженными силами Юга России Деникин весной девятнадцатого года, развивалось успешно. Он был доволен.

Деникин часто любил повторять, что главное в должности полководца – угадать момент.

Судя по всему, он момент угадал. К началу мая войска Красной Армии на Южном фронте были обессилены многомесячным изнуряющим наступлением на Донецкий бассейн. Бойцы и командиры нуждались хотя бы в небольшой передышке. Резервы фронта были полностью исчерпаны, а подкрепления подходили медленно. Из-за весенней распутицы и разрухи на транспорте снабжение войск нарушилось. Вспыхнули эпидемии. Тиф вывел из строя почти половину личного состава...

Разрабатывая план наступления, Деникин учел это. Кроме того, он знал, что длительное топтание на месте его армии вызывало все большее разочарование у союзников. Это в последние дни неоднократно давал понять английский генерал Хольман, состоявший при штабе в качестве полномочного военного представителя. Об этом же писал из Парижа русский посол Маклаков. Он сообщал также, что союзники после многих колебаний и прикидок все больше склоняются к мысли назначить адмирала Колчака Верховным правителем России.

Деникин понимал, что в сложившихся условиях ему надо действовать. Действовать масштабно и решительно. Для этого необходимо уже в ближайшие дни объявить директиву, в которой бы определялись стратегические пути летне-осенней кампании и ее конечная цель – Москва. Антон Иванович был убежден, что только она, эта далекая и заветная цель, еще способна воспламенить в душах новые надежды и вызвать к жизни новое горение.

Общие контуры директивы у Деникина уже созрели. Теперь предстояло самое неприятное: соблюдая политес, выслушать соображения одного-двух командующих армиями и заручиться их поддержкой.

Ранним солнечным утром командующий Добровольческой армией генерал Ковалевский прибыл в Екатеринодар. На вокзале его встретил старший адъютант главнокомандующего князь Лобанов, усадил в автомобиль и повез в ставку.

Ставка Деникина размещалась в приземистой двухэтажной гостинице «Савой», обставленной с крикливым купеческим шиком. Днем и ночью возле штаба гудели моторы бронированных «остинов» и «гарфордов»...

В длинных бестолковых коридорах, куда выходили многочисленные двери номеров, сновали адъютанты и дежурные офицеры, поминутно хлопали двери, доносился стук телеграфных аппаратов, кто-то в конце коридора надрывался в телефонную трубку, читая параграфы приказа, по несколько раз повторяя каждую фразу. Вся эта суeta вызвала у Ковалевского раздражение. Она, по его мнению, мало соответствовала военному учреждению такого крупного ранга, где должны были царить упорядоченность и строгая дисциплина.

Князь Лобанов почтительно провел Ковалевского в кабинет главнокомандующего.

Деникин, в просторной серой тужурке, в брюках с лампасами, стоял возле карты, испещренной красным и синим карандашами, в глубине большого номера, переоборудованного под кабинет. Представиться по форме главнокомандующий Ковалевскому не дал. Они облобызались, и Деникин усадил генерала в кресло.

– Владимир Зенонович, я вызвал вас, чтобы посоветоваться, – сразу же приступил к делу главнокомандующий.

Ковалевский с трудом скрыл удивление. Насколько он знал Деникина, не в характере этого упрямого честолюбца было испрашивать чьих-то советов. С чего бы это? Не иначе что-то задумал, ищет единомышленников. Не советчиков, а единомышленников.

Эти мысли промелькнули мгновенно – одна за одной. Паузы не последовало – Ковалевский тотчас же сказал:

– Рад быть полезным, Антон Иванович.

Деникин пытливо посмотрел на Ковалевского, пощипал седую – клинышком – бородку и удовлетворенно кивнул:

– Я признателен вам, Владимир Зенонович. – И, словно зная, о чем минуту назад думал его собеседник, добавил с горечью: – В штабе у меня много советчиков! И все – по-разному! Одни уже договорились до того, что советуют сдать красным Донбасс, а вашу армию перебросить под Царицын в подчинение Врангеля...

Пухлой рукой Деникин сжал остро отточенный карандаш, и в наступившей тишине Ковалевский явственно услышал сухой деревянный треск – трудно было ожидать такую силу в маленькой руке. Отброшенный карандаш скользнул по столу, кроша грифель.

Для Ковалевского не было секретом, что командующий Кавказской армией барон Врангель настаивал на том, чтобы главным стратегическим направлением стало царицынское. Только объединившись с армией Колчака, категорически заявлял он, можно добиться решающего успеха в кампании.

Деникин же отстаивал иную точку зрения. Разногласия между Деникиным и Врангелем были затяжные, с многочисленными язвительными намеками, мелочными придирками, уколами исподтишка. Телеграммы от Врангеля шли потоком – то насмешливые, то терпеливо-выжидательные, то откровенно злобные. Даже сейчас, когда наметились первые успехи в наступлении, барон стремился доказать превосходство своих стратегических и тактических замыслов.

Деникин, сдерживая охватившее его раздражение, резко встал и подошел к Ковалевскому, который не поспел за ним встать сразу. Главковерх, положив ему на плечо руку, попросил остаться в кресле. Пожалуй, жест этот продиктовала не только любезность старшего по чину, но и привычный расчет человека невысокого роста, не любящего смотреть на собеседников снизу вверх.

– А того не понимают господа генералы, что время для споров и придворной дипломатии прошло! – продолжал Деникин. – Ответственность за судьбу России отметила всех нас своей печатью, всем нам нести один крест! – Он прошелся по кабинету, мягко ставя на ковер ноги, обутые в генеральские, без шнурков, ботинки, и опять остановился возле Ковалевского. – Настала пора решительных действий, Владимир Зенонович. Я готовлю сейчас директиву, в которой хочу досконально определить стратегические пути нашего наступления. И его конечную цель...

Ага, вот в чем дело!..

Ковалевский знал, что своим высоким положением главнокомандующего вооруженными силами Юга России Деникин обязан отнюдь не личным достоинствам или выдающимся военным дарованиям и уж, конечно, не популярности в русской армии, где не любили черствых людей. О нем много говорили среди офицеров как о человеке недалеком, тугодуме и стороннике «академических» методов ведения войны, которые никак не вязались с войной гражданской. Однако Корнилов в канун своей гибели, как бы предчувствуя свою обреченность, назвал, имея в виду какие-то свои веские соображения, преемником именно его, Деникина.

Неожиданный выбор Корниловым малопримечательного, сухого, непопулярного Деникина вызвал удивление и породил недоуменные толки, но никто не решился открыто оспаривать его: над именем Корнилова сиял венец великомученика. К тому же Деникин был

человеком принципиальным, стойким в убеждениях и доказал свою преданность белому движению бегством из «красной» Быховской тюрьмы, где его спас от разъяренной толпы пьяных солдат только счастливый случай.

Теперь Деникин владел Северным Кавказом, Терекон, богатейшей Кубанью и Донской областью. И все же... противники Деникина, хотя и приняли молча его главенство, скрупулезно вели счет его ошибкам, ими объясняя любую неудачу. И Ковалевский понял, как важно для главнокомандующего не допустить просчета в разработке предстоящей директивы и, конечно, заполучить себе опытных союзников при ее выполнении.

Однако почему выбор пал именно на него, Ковалевского? Он знал Деникина давно, но они всегда были холодны друг с другом. Владимира Зеноновича, любящего разговор по душам, атмосферу домашности, раздражало самоуверенное высокомерие Деникина. Антипатии своей к нынешнему главнокомандующему Ковалевский никогда особенно не скрывал. А тот и в глаза и за глаза упрекал Владимира Зеноновича за любовь к кутежам и водочке. Да, была такая страсть у Ковалевского, и тут никто ничего не мог поделать. Так что же заставило самолюбивого, не привыкшего ничего прощать Деникина откровенничать сейчас именно с ним?

А у Деникина, знавшего вкус к штабному политиканству, имелись на то свои основания. У Ковалевского была прочно, неоспоримо сложившаяся репутация талантливого военачальника, незаурядного тактика. Всю войну, с первых дней четырнадцатого года, он командовал корпусом и кроме умения военачальника проявил еще и редкую храбрость. Нравилось солдатам, что он часто бывал в окопах, любил поговорить с ними по душам, ободрить шуткой, не допуская в то же время панибратства. Он не завоевывал авторитет, а пользовался им. Корпус Ковалевского считался одним из лучших на Юго-Западном фронте, а во время знаменитого Брусиловского прорыва особо отличился, за что и получил наименование гвардейского.

Немаловажно для Деникина было и то, что, зная свои слабости, Ковалевский не лез в диктаторы, следовательно, тут можно было не опасаться соперничества. Деникин даже подумывал о назначении Ковалевского на пост военного министра, если, конечно, наступление увенчается окончательным успехом. Именно в беседе с Ковалевским Деникин решил опробовать директиву на слух – в такой крупной игре он готов был поступиться самолюбием, выслушать и советы, и возражения.

– Я мыслю наступать широким фронтом на Харьков, Курск, Орел и далее на Москву, одновременно очищая от войск красных Украину, – уверенно говорил Деникин. – Вдоль Волги, в обход Москвы, пойдет Кавказская армия генерала Врангеля; генерал Сидорин со своими донцами будет наступать в направлении Воронежа... – Деникин присел к столу, продолжил: – Вам же, Владимир Зенонович, по моему плану отводится решающее направление. Овладеете Харьковом, и перед вами откроется кратчайший путь на Москву! – и ожидающе посмотрел на Ковалевского – ему важно, очень важно было знать, как тот отнесется к его плану.

Ковалевский помедлил с ответом, взглянул на карту России. Смогут ли сравнительно малочисленные армии преодолеть путь, предначертанный планом главнокомандующего? Не растворятся ли они на огромных просторах Украины и России? И тут возникло другое сомнение.

Деникин был осторожным консерватором, «непредрешенцем», полагавшим, что все вопросы политики и власти надо решать лишь после победы. Значит, по мере продвижения белой армии на занятых территориях будет устанавливаться дореволюционный режим с губернаторами, уездными начальниками, помещиками. Земельный вопрос не решен, у крестьян станут отнимать обработанную землю, инвентарь, скот. В результате умножатся слу-

чаи крестьянских бунтов, вооруженного сопротивления. Это тоже вряд ли будет способствовать быстрому продвижению войск...

– Предполагается проведение мобилизации? – осторожно осведомился Ковалевский.

– Конечно. Приказ о всеобщей мобилизации уже подготовлен.

– Без земельной реформы поголовная мобилизация вызовет крестьянские волнения, Антон Иванович, – не сдержавшись, сказал Ковалевский.

Деникин раздраженно передернул плечами, нахмурился.

– Знаю... Не ко времени заниматься этим. Вот образуется государственность, и тогда... – Он вынул платок и старательно вытер лоб – так вытирают деревянные столы перед праздником. – Но мы не об этом говорим. Вернемся к директиве... На главном, я имею в виду ваше направление, Владимир Зенонович, я намерен собрать в один мощный кулак все лучшие силы. Помимо цвета армии – корниловской, марковской, алексеевской, дроздовской дивизий – у вас будут конные корпуса Юзефовича и Шкуро. Кроме того, я даю вам дополнительно пять артиллерийских полков и заберу для вас у генерала Шиллинга три дивизиона броневых машин. В вооружении и боеприпасах недостатка не возникнет. В Новороссийском порту с пароходов союзников круглые сутки выгружается необходимое для армии, – Деникин чуть усмехнулся, – и можно не сомневаться: чем энергичней мы будем наступать, тем лучше будет снабжение.

Деникин говорил уверенно. Было видно, что все им давно продумано, но Ковалевский продолжал уточнять:

– Антон Иванович, а почему вы не подключаете к наступлению на Москву группу войск генерала Шиллинга?..

– После взятия Крыма Шиллинг выступит в направлении Херсон, Николаев, Одесса. Мне нужны черноморские порты.

И опять Ковалевский отметил ту уверенность и четкость, с которой Деникин говорил о наступлении. И план, им предлагаемый, стал казаться заманчивым.

А Деникин продолжал:

– Хочу обратить ваше внимание, Владимир Зенонович, еще на некоторые важные обстоятельства, они, на мой взгляд, будут способствовать успеху наступления. – Он взял со стола папку, открыл ее и прочитал: – «Установлены прочные связи с антибольшевистскими подпольными организациями на Украине и в ряде городов России. Саботаж, диверсии, террор и, по мере приближения наших армий, вооруженные выступления – таковы задачи этих организаций. Наиболее значимой из них является Тактический центр. Он имеет отделения во всех крупных городах России, но руководство находится в Москве. В решающий момент нашего наступления на Москву военные силы Центра захватят Кремль, правительственные учреждения, Ходынскую радиостанцию, по которой будет объявлено о свержении Советской власти...»

«Ну, это уже фантазии, – подумал Ковалевский. – Знаю я, какие из наших офицеров и интеллигентов конспираторы. Проболтаются на первом углу. Не большевикам чета. Те – опытные, тюрьмой выученные».

Ковалевский своим обостренным чутьем фронтового генерала понимал, что идти на соединение с Колчаком было бы более разумным решением, чем наступление клином на далекую Москву. Веяло авантюрой... Но чем черт не шутит? Если красные начнут в панике бежать и распадаться, а это было вполне возможно, то он, Ковалевский, первым въедет в Кремль. Движение же на восток, к Колчаку, не сулило таких заманчивых перспектив.

И он был искренним, когда в завершение разговора сказал то, чего так ожидал от него, так добивался Деникин:

– Постараюсь оправдать доверие, мне оказанное, ваше превосходительство.

Никто из них не догадывался тогда, что эта беседа была первым шажком на пути к трагедии белого воинства.

* * *

Два дня спустя Ковалевский добрался наконец из Екатеринодара в Харцизск и из одного вагона переселился в другой – в штабной салон-вагон. Эти два дня онпил и предавался радужным мечтам. С раздражением подумал он о том, что полжизни провел в вагонной скученности: диван, кресла, письменный стол и еще стол с ворохом карт занимали почти все пространство.

Штабной поезд стоял в тупике. Изредка тяжело вздыхал паровоз – приказано было держать его под парами. С часу на час здесь ждали добрых вестей от генерала Белобородова, дивизия которого неделю назад двинулась из-под Луганска на Бахмут. Однако наступление развивалось совсем не так, как первоначально предполагал командующий, и оттого он нервничал. Унылые станционные постройки Харцизска, затянутые завесой знойной пыли, навевали тоску.

Владимир Зенонович Ковалевский был военным до мозга костей, более того, он принадлежал к потомственным военным. Предки его по мужской линии воевали под Нарвой и Полтавой, у стен Кунесдорфа и Кольберга, форсировали Ларгу и Кагул, брали штурмом Измаил и Сен-Готардский перевал, бились на Бородинском поле и на бастионах Севастополя, гибли, обороняя Порт-Артур. В семье Ковалевского не было своего летописца, иначе историю русской армии он мог бы изучать не по трудам ученых, а прослеживая судьбы своих дедов и прадедов.

Ратному делу Ковалевский был предан всей душой, гордился своей прославленной родословной и уже в кадетском корпусе стремился изучить досконально военные науки – вот почему он вполне заслуженно считался в среде офицерства авторитетом, хотя ничего не понимал в политике, и, общаясь с солдатами, христосуясь с ними и даже выпивая по чарке, был бесконечно далек от них и не разбирался в их настроениях.

Значения происходящих в России после февраля событий Ковалевский тоже не понимал, лишь смотрел с ужасом, как отразились эти события на сражающейся на германском фронте армии. Весь ее огромный организм, хоть и имевший неполадки, но все же действующий и повинующийся, вдруг стал на глазах разваливаться.

Уставшая армия рвалась домой. Толпы дезертиров. Митинги. Солдатские комитеты. Он жил тогда с ощущением неотвратимой катастрофы, ибо то, на что он потратил всю свою жизнь, становилось бесцельным, ненужным. Временное правительство по сути отменило дисциплину, заменив единоначалие комитетским голосованием. Офицеры оказались не у дел.

Потом, после октября семнадцатого года, когда открылась возможность снова действовать, он сделал выбор и до сих пор считал его правильным хотя бы потому, что этот выбор являлся, по мнению Ковалевского, единственным, ради чего стоило еще жить и бороться, а в минуты, когда охватывала тоска, разочарование, выручало русское лекарство – водочка.

Задрожали зеркальные стекла салон-вагона. Два паровоза, почти скрываясь в облаке пара, протащили мимо тяжелый воинский состав. С тормозных площадок с любопытством смотрели на окна часовые.

Расстегнув воротник мягкого кителя, Ковалевский сел за стол и начал просматривать бумаги. Чем больше он вчитывался в них, тем еще больше раздражался: в приемной опять напутали, подсунув командующему вместе с безусловно важными документами какую-то малозначимую чепуху. Сначала он с привычной тщательностью военного человека пытался вдумываться в ненужные письма и рапорты, но вскоре отбросил карандаш и позвонил.

Бесшумной тенью возник в салоне молодой подпоручик с адъютантскими аксельбантами. Светло-зеленого офицерского сукна китель ладно охватывал его фигуру. Поблескивали сапоги с модными острыми носками. Смешливое лицо было по-юношески свежим.

– Слушаю, ваше превосходительство!

– Что вы принесли мне, Микки? – спросил Ковалевский, с трудом сдерживая гнев. – Или полагаете, что дело командующего заниматься этим бумажным ворохом? – Он оттолкнул на край стола толстую папку с бумагами.

Покраснев от волнения, младший адъютант смотрел на своего генерала глазами столь преданными и не замутненными раздумьем, что Ковалевскому тут же расхотелось продолжать разнос: как настойчивость дрессировщика не превратит болонку в бульдога, так и начальственный гнев бессилен перед бестолковщиной младших адъютантов. За долгие годы своей военной жизни Ковалевский свyksя, что такие не в меру жизнерадостные, розовощекие адъютанты являются неотъемлемой частью любого штаба, как мебель... «И прозвища у них всегда какие-то уменьшительные, – подумал Ковалевский, глядя на младшего адъютанта. – Микки... – И повторил про себя еще раз: – Микки!.. Черт знает что!»

И произнес вслух уже не грозно, а скорее ворчливо:

– Потрудитесь унести эти бумаги. Передайте их в штаб...

Еще четыре дня назад Ковалевский меньше всего задумывался о значимости хорошего адъютанта в своей работе. Он был доволен исполнительностью неназойливого и умелого капитана Ростовцева. Но достаточно было этому винтику выпасть из отлаженного штабного механизма, как отсутствие его нарушило весь ход работы командующего.

Несколько дней назад Ростовцев и приезжавший в штаб полковник Львов выехали за тридцать верст в полк. С тех пор о них не было никаких известий.

Если отсутствие адъютанта причиняло Ковалевскому ряд видимых неудобств, то исчезновение полковника Львова тревожило его совсем по иной причине. Ковалевский прикрыл глаза, и тут же встал перед ним юноша с тонкими чертами худощавого лица – надежный товарищ по юнкерскому училищу Михаил Львов... Служебные дороги у них разошлись, жизнь, правда, сталкивала их иногда в своей круговерти, но тут же разбрасывала опять – до новой встречи. Но независимо от этого они считали себя друзьями и чем дальше, тем охотнее встречались: наверное, это воспоминания о юношеских днях – пусть наивные, но обязательно дорогие – тянули их друг к другу. Но так было до тех пор, пока в восемнадцатом они не встретились в одной армии. Постоянная близость притупила радость встреч. В суматохе Ковалевский все реже и реже думал о нем... И вот теперь, когда угроза потери товарища своей юности нависла со всей неотвратимостью, он понял, как необходима была ему эта светлая дружба. Вдруг вспомнил, что никогда не задумывался о причинах, из-за которых отстал от него в чинах безусловно одаренный Львов, и с запоздалым возмущением увидел в том огромную несправедливость. Продолжая вспоминать о Львове, он, с великодушием истинно сильного человека, наделял друга теми многочисленными достоинствами, какими тот, быть может, никогда и не обладал...

Нерешительное покашливание у двери прервало раздумья Ковалевского. Он поднял глаза и увидел младшего адъютанта. Забыл отпустить?..

– Идите, Микки! И вот что...

Стук в дверь прервал его.

– Разрешите, ваше превосходительство? – В салон, твердо ступая, вошел подтянутый, выше среднего роста, с коротко подстриженной острой бородкой на желтоватом лице полковник Щукин.

– А я, представьте, только хотел просить вас. Проходите, садитесь, Николай Григорьевич. – Ковалевский показал на кресло возле стола.

Неслышно притворив за собой дверь, исчез Микки. Проводив его взглядом, Щукин неторопливо уселся на предложенное ему место.

– Что-нибудь узнали? – нетерпеливо спросил Ковалевский.

Щукин понял командующего.

– К сожалению, Владимир Зенонович, ничего нового сообщить не могу. Последний раз полковника Львова и капитана Ростовцева видели возле Зареченских хуторов. А после этого... – Щукин развел руками.

В жесте полковника Ковалевскому почудилось безразличие к судьбе пропавших без вести, и он в сердцах сказал:

– Странное происшествие! О каком порядке вообще можем мы говорить, если в ближайших наших тылах люди теряются как иголка в стоге сена?!

– Ничего странного, Владимир Зенонович, – с прежней невозмутимостью ответил Щукин. – Вашего адъютанта и полковника Львова предупреждали, что нельзя ехать к линии фронта в сопровождении всего лишь двух ординарцев.

Ковалевский сидел за столом, сгорбившись, утомленный, по-видимому, не только жарой, но и этим разговором.

– Что же все-таки случилось? – спросил он, не адресуя уже свой вопрос Щукину, а будто сам пытаюсь разобраться в непонятном происшествии.

Ковалевский думал, что Щукин промолчит, но полковник ответил:

– Предполагаю, что на них наткнулся вражеский кавалерийский разъезд и они либо погибли, либо захвачены в плен красными. – В глубине души Ковалевский и сам так думал, но верить этому не хотелось. А Щукин, словно бы догадываясь, о чем думает командующий, добавил: – Я поднял на ноги всех, кого только можно было поднять. Поиски продолжаются, Владимир Зенонович.

Николай Григорьевич Щукин возглавлял в штабе Добровольческой армии разведку и контрразведку. До этого он служил в петербургской контрразведке, с начала мировой войны занимался расследованием ряда дел по выявлению германской агентуры.

Летом 1916 года, перед Брусиловским прорывом, Щукин был откомандирован со специальным заданием на Юго-Западный фронт, где и познакомился с генералом Ковалевским...

Осенью восемнадцатого Ковалевский формировал штаб Добровольческой армии и вспомнил о деловых качествах полковника Щукина.

Щукин не обманул надежд командующего: человек трезвых взглядов, умелый, энергичный, он повел порученный ему отдел уверенно и четко. Более того, в короткий срок он стал правой рукой Ковалевского, который советовался с ним по всем важным для армии вопросам.

За окнами салон-вагона грянула солдатская песня. Тщательно отбивая шаг, мимо вагона промаршировала полурота, донесли слова старой походной песни: «Соловей, соловей, пташечка! Канареечка жалобно поет...»

– Да-с... – протянул Ковалевский. – Вот именно, жалобно! – Он посмотрел на Щукина: – Вы что-то хотели сказать, Николай Григорьевич?

– Я получил чрезвычайно любопытную информацию, Владимир Зенонович. – Щукин со значением добавил: – Из Киева, от Николая Николаевича.

Ковалевский оживился. Откинувшись на спинку кресла, с любопытством смотрел, как Щукин достает из папки листы папиросной бумаги.

– Это – копии мобилизационных планов Киевского военного округа... самые последние данные о численности Восьмой и Тринадцатой армий красных и технической оснащенности... а это сведения о возможных направлениях контрударов этих армий в полосе наступления наших войск, – начал докладывать Щукин.

И Ковалевский сразу же понял, какие соблазнительные возможности открывают эти донесения перед его армией. Упредительные удары по противнику там, где он их не ждет, если... Если только сведения правдоподобны!

– За достоверность информации я ручаюсь, – понял мысли командующего Щукин. – Николая Николаевича я знаю лично. И давно. Человек сильный и неподкупный. И работает он на нас по велению сердца.

– Он что же, входит в состав Киевского центра?

– Ни в коем случае, Владимир Зенонович! Ему категорически запрещено устанавливать связь с Киевским центром, чтобы не подвергать себя излишнему риску. Да и пост у красных он занимает такой, что все время на виду. Ну а в прошлом... – Щукин остро посмотрел на командующего. – Служил в лейб-гвардии его императорского величества. Кавалер орденов Александра Невского и Георгия третьей и четвертой степеней...

– Не скрою, даже такая короткая аттестация внушает уважение, – с удовлетворением произнес Ковалевский.

В салон вошел Микки.

– Ваше превосходительство, извините! Вас к прямому проводу. Есть сведения от начальника тыла марковской дивизии капитана Ерохина: по всей видимости, полковник Львов и капитан Ростовцев попали в руки банды батьки Ангела.

– Что-о?

Ковалевский резко поднялся из-за стола. Тотчас поднялся и Щукин. Они оба знали: белые офицеры, попав к батьке Ангелу, Долго не живут. Батька Ангел был чрезвычайно изобретателен, выдумывая все новые способы мучительных казней для «беляков».

Глава пятая

Штаб батьки Ангела располагался верстах в тридцати от железной дороги, в небольшом степном хуторке с ветряной мельницей на окраине. В этот хуторок и пригнали пленных – Кольцова, ротмистра Волина, поручика Дудицкого и двух командиров Красной Армии. Возле кирпичного амбара их остановили. Мирон, не слезая с тяжело нагруженного узлами и чемоданами коня, ногой постучал в массивную, обитую кованым железом дверь.

Прогрели засовы, и в проеме встал сонный, с соломинами в волосах, верзила с обрезом в руке.

– Что, Семен, тех, что под Зареченскими хуторами взяли, еще не порешили? – спросил Мирон.

– Жужжат пчелки! – ухмыльнулся Семен.

– Жратву только на них переводим. – Мирон обернулся, указал глазами на пленных: – Давай и этих до гурту. Батько велел.

– Ага. – Верзила полез в карман за ключами. Чуть не зацепившись плечом за косяк, вошел в амбар, оттуда позвал Мирона: – Иди, подмогнешь ляду поднять!

Мирон нехотя слез с коня. Они вдвоем подняли тяжелую сырую ляду и велели пленным по одному спускаться в подвал.

– Фонарь бы хоть зажгли, – пробормотал поручик Дудицкий, нащупывая ногами ступени. – Не видно ничего.

– Поговори, поговори, – лениво отозвался Мирон. – Я тебе в глаз засвечу – враз все увидишь.

– Мерзавцы! Хамы! – громко возмутился спускавшийся следом за Дудицким Кольцов.

Еще когда их вели сюда, на хутор, он все примечал, схватывал цепко, упорно вынашивая мысль о побеге. В пути такой возможности не представилось. А сейчас? Что, если сбросить этих двоих бандитов в подвал? А дальше что? Вокруг полно ангеловцев!.. Нет, бессмысленно.

Все это промелькнуло в голове мгновенно, и в подвал Кольцов стал спускаться без малейшей задержки.

– Хамы, говоришь? – обжег его злобным взглядом Мирон. – Я тебе это запомню. Когда вас решать поведут, я тебя самолично казнить буду. Помучаешься напоследок. Ох и помучаешься!..

В подвале было темно и сыро, под ногами мягко и противно пружинила перепревшая солома. Воняло нестерпимо.

Кто-то кашлянул, давая понять, что в подвале уже есть жильцы.

– О, да этот ковчег уже заселен, – невесело пошутил Кольцов и, когда сверху глухо гроыхнула ляда, извлек из кармана коробок, зажег спичку. При неясном и зыбком свете он увидел: в углу, привалившись к старым бочкам, сидели трое офицеров, старший по званию был полковник.

– Берегите спички, – сказал он, поднимаясь.

– Разрешите представиться, господин полковник! Капитан Кольцов! – И обернулся к своим попутчикам: – Господа!

Блеснули влагой бутовые камни, которыми были выложены стены подвала, и спичка погасла.

– Ротмистр Волин, – прозвучал в темноте уверенный голос.

– Поручик Дудицкий.

Наступила пауза, в которой слышался только шелест соломы и чьи-то похожие на стон вздохи.

– Вас, кажется, пятеро? – спросил полковник.

– Мы из другой компании, полковник, – сказал командир с калмыцким лицом. – Командир Красной Армии Сиротин, если уж вас так интересуют остальные.

– Командир Красной Армии Емельянов.

– Бред какой-то, – буркнул полковник и, судя по жалобному скрипу разохшейся бочки, снова сел на прежнее место. – Красные и белые в одной темнице!

– А вы распорядитесь, чтоб нас выгнали! Мы – не против! – насмешливо отозвался Емельянов.

Полковник промолчал, не принимая шутки. Затем сказал, обращаясь к «своим»:

– Устраивайтесь, господа! Я – полковник Львов! Здесь со мной еще капитан Ростовцев и подпоручик Карпуха!

Кольцов опустился на солому, ощутил рядом с собой чьи-то босые ноги.

– Извините! – Он поспешил отодвинуться.

– Ничего-ничего... Здесь, конечно, тесновато, но... Это я – подпоручик Карпуха... – доброжелательно представился сосед.

– А вот я здесь, справа, – отозвался из своего угла капитан Ростовцев.

Наконец все, как могли, устроились на соломе, после чего Кольцов спросил:

– Вас давно пленили, господа?

– Дня четыре назад... может быть, пять, – отозвался полковник. – Время мы отсчитываем приблизительно. По баланде, которую сюда спускают раз в сутки.

– Мне кажется, что мы здесь по крайней мере месяц, – буркнул капитан Ростовцев.

– Расскажите, что там, на воле? – пододвинулся к Кольцову полковник.

Кольцов немного помедлил: мысленно согласовал ответ со своей легендой.

– Газеты красных не очень балуют новостями, – сокрушенно сказал он. – «Выпрямили линию фронта», «отошли на заранее подготовленные позиции» и так далее. По слухам же, наши успешно наступают и даже, кажется, взяли Луганск.

– Устаревшие сведения, капитан! – оживился полковник Львов. – Луганск мы взяли недели полторы назад, мой полк вошел в него первым. Надеюсь, к сегодняшнему дню в наших руках уже и Бахмут, и Славянск.

– Благодарим вас за такие отличные новости, господа! – с умилением произнес поручик Дудицкий.

– Нам с вами что толку сейчас от таких новостей? – прозвучал чей-то угрюмый голос.

– Ну как же! Со дня на день фронт продвинется сюда, и нас освободят! – ринулся в спор Дудицкий.

– Смешно! – все так же мрачно отозвались из темноты. – Когда наши будут подходить к этой богом проклятой столице новоявленного Буонапарте, нас попросту постреляют. Как кутят.

– Кто это сказал? – спросил полковник.

– Я. Ротмистр Волин!

– Стыдитесь! Вы же офицер!... – Полковник прошелестел соломой. – Скажите, господа, ни у кого не найдется покурить?

Довольно долго никто не отзывался, затем послышался неуверенный голос:

– У меня есть... Это Сиротин говорит!

– Махорка? – скептически спросил полковник.

– Она самая! – насмешливо ответил Сиротин.

– Ну что ж... Давайте закурим махорки, – согласился полковник и передвинулся к Сиротину.

Протрещала рвущаяся бумага, потом полковник попросил у Кольцова спички, прикурил и, придерживая горящую спичку на уровне своей головы, спросил у Сиротина:

– Интересно, как сложившуюся на фронте ситуацию оценивают там у вас, в Красной Армии?

– Хреновая ситуация, чего там! – категорично заявил Сиротин. – Но, как говорится, цыплят по осени считают... Еще повоюем!

– Мы-то, кажется, уже отвоевались.

– Это вы сказали, ротмистр? – обернулся на голос полковник.

– Нет, это я – подпоручик Карпуха. Мне тоже, как и ротмистру, не хочется себя тешить иллюзиями, господа. Мы уже в могиле. Братская могила, как пишут в газетах. Все!

Кольцов, с усмешкой слушавший этот разговор, прошептал:

– Повремените с истерикой, подпоручик... Надо думать! Быть может, нам еще что-то и удастся!

– Но что?.. Я готов зубами грызть эти проклятые камни!

– Подумаем. Время у нас еще есть, – невозмутимо ответил Кольцов.

– Правильно, капитан. Вижу в вас настоящего офицера, – одобрительно отозвался полковник. – На каком фронте воевали?

– На Западном, господин полковник, в пластунской бригаде генерала Казанцева.

– Василия Мефодиевича?! По-моему, он сейчас в Ростове. Кстати, фамилия ваша мне откуда-то знакома. Вы родом из каких мест? Кто ваши родители?

– Мой отец – начальник Сызрань-Рязанской железной дороги. Уездный предводитель дворянства, – спокойно, не скрывая потомственной гордости, отозвался Кольцов.

– Господи! Как тесен мир!.. – изумился полковник Львов. – Мы с вашим отцом, голубчик, встречались в бытность мою в Сызрани. У вас ведь там, кажется, имение?

– Было, господин полковник, имение... Было... – интонацией подчеркивая сожаление, ответил Кольцов. И подумал, как все же удачно, что полковник имел возможность быть знакомым только с отцом. Будь иначе, эта встреча в подвале обернулась бы катастрофой. А сейчас может даже принести пользу, если они, конечно, вырвутся отсюда. А в то, что вырваться удастся, он продолжал твердо верить, сознательно разжигая в себе эту веру, ибо она подстегивала волю, обостряла, делала изощренней мысль, что в создавшейся ситуации было необходимо. Человек действия, Кольцов не верил в абсолютно безвыходные ситуации.

– Нет, надо же, какая встреча! – продолжал изумляться Львов. Он хотел еще что-то сказать, но послышался короткий стон, и полковник умолк.

– Кто стонет? – спросил Дудицкий.

– Это я, подпоручик Карпуха!

– Он ранен, – пояснил капитан Ростовцев. – Четвертый день просим у этих бандитов кусок бинта или хотя бы чистую тряпку.

– У меня есть бинт. Это я, Емельянов, говорю. Зажгите спичку. – И когда тусклый свет заженной спички осветил подвал, подошел к раненому: – Покажите, что у вас?

Морщась от боли, подпоручик Карпуха неприязненно посмотрел на Емельянова.

– Любопытствуете?

– Покажите рану! – повторил Емельянов строже. – Я бывший фельдшер... правда, ветеринарный. – И присел около раненого.

Зажглась еще одна спичка. Емельянов склонился к подпоручику, стал осматривать рану. Потом зажгли пучок соломы, всем хотелось помочь Карпухе.

– Ничего серьезного... Кость не затронута... однако крови много потеряли... и нагноение. – Емельянов разорвал обертку индивидуального пакета и умело забинтовал плечо Карпухи.

Волин поднял обертку индивидуального пакета.

– Английский, – удивился он. – А говорят, у красных медикаментов нет!

– Трофейный, – пояснил Емельянов.

– Убили кого-нибудь?

– Возможно, – спокойно подтвердил Емельянов. – Стреляю я вообще-то неплохо! – И спросил у подпоручика: – Ну как себя чувствуете?

– Как будто легче, – вздохнул Карпуха, и в голосе его зазвучали теплые нотки. – Я ведь с четырнадцатого на войне, и все пули мимо меня пролетали. Как заговоренный был – и на тебе! Не повезло!

– Почему же не повезло? Пятый день, а гангрены нет, лишь легкое нагноение. Повезло! – буркнул Емельянов.

– Вообще-то, господа, я всегда везучий был, – еще более повеселел Карпуха. – С детства еще. Совсем мальчишками были, играли в старом сарае, вот как в этом, что над нами. И кто-то полез на крышу, а она обвалилась. Так поверите, всех перекалечило, и даже того, что на крыше был, а у меня – ни одной царапины.

– А я так сроду невезучий, – усмешливо отозвался Емельянов, – пять ранений, одна контузия. И сейчас вот опять не повезло.

...Время здесь, в подвале, тянулось уныло и медленно. Часов ни у кого не было, и день или ночь – узники определяли только по глухому топоту охранников над их головами. Ночью часовые спали. Зато ночью не спали крысы – это было их время. С истошным писком они носились по соломе, по ногам людей. Когда крысы совсем нагнали, Кольцов зажигал спичку, и они торопливо, отталкивая друг друга – совсем как свиньи у кормушки, – исчезали в узких расщелинах между камнями.

Первое время узники много переговаривались друг с другом. Потом паузы длились все дольше и дольше. Человеку перед смертью, может быть, нужно одиночество. Люди то ли спали, то ли, лежа с открытыми глазами, думали каждый о своем, одинаково безрадостном и тревожном. И еще никак нельзя было привыкнуть к воням: парашу они выкопали в углу и прикрывали ее лишь прелой соломой.

Кольцов, ворочаясь на соломе, проклинал обстоятельства, сунувшие его в этот погреб. Проклинал именно обстоятельства, потому что его вины в происшедшем не было. Все шло так, как было задумано Фроловым, и ни в чем, ни в одной мелочи, не отступил он от своей легенды, от той роли, которую предстояло ему сыграть. Все началось удачно: он вышел на людей, которые взялись переправить его к белым, и этот новый Кольцов, в образе которого он стал жить, не вызывал подозрений, – он, во всяком случае, никаких специальных проверок не заметил. И если бы не налет банды, Кольцов уже, должно быть, приступил бы к выполнению своего задания.

О возможной близости смерти Кольцов не думал – очень долго она была рядом, и сама возможность гибели стала привычной, обыденной частью его солдатской судьбы. Нет, не о смерти он думал сейчас, а только о том, как вырваться отсюда. И все время остро жалила досада, что неудача настигла его именно сейчас.

К большевикам он примкнул в последний год войны, после февраля, когда понял, что они – единственная реальная сила, способная воссоздать рухнувшую страну. Примкнул после серьезных размышлений и сомнений. И, как «опоздавший», хотел доказать делом, что ничуть не хуже бывалых революционеров.

И вот наступило наконец его время, и как же неудачно оно началось!

Прошло двое суток, а быть может, и больше. Об узниках словно забыли...

Ротмистр Волин лежал рядом с Кольцовым. Тревожно ворочался на соломе, иногда что-то бессвязное бормотал во сне. Как-то под утро он приподнялся на локте, потрогал Кольцова, заговорщически зашептал:

– Капитан!.. Капитан Кольцов! Вы спите?

– Нет, – помедлив, отозвался Кольцов.

– Я все время разрабатываю в голове разные планы побега.

– Придумали что-нибудь?

И взволнованно, словно обличая кого-то, Волин начал говорить сначала тихо, а потом, распаляясь, все громче:

– Дребедень какая-то. В духе «Графа Монте-Кристо» или еще чего-то. И я подумал вдруг: а может, в этой самой революции и во всем этом есть какой-то биологический смысл? Как в браке дворянина с крестьянкой, чтобы внести свежую струю крови!.. Мы ведь вырождаемся... Я бы даже сказал – выродились. Инстинкт самосохранения и тот отсутствует. Спокойненько так ждем смерти. Как скот на бойне... Что вы?

– Я слушаю, – безразличным тоном сказал Кольцов.

– В какой-нибудь азиатской стране всю эту вакханалию прихлопнули бы за неделю. Ходили бы по горло в крови, но прихлопнули бы. А мы... – И в голосе Волина зазвучала неподдельная, уничижительная горечь.

– Я не знаю, что можно придумать в нашей ситуации, – приподнявшись на локте, тихо сказал Кольцов. – Однако, ротмистр, я думаю, что законность в России скоро восстановится. И вы сможете, вернувшись домой, жениться на крестьянке. Для оправдания вашей идеи.

Оказалось, что их разговор слышали все. Кто-то не выдержал, засмеялся.

– Браво, капитан! – поддержал полковник Львов.

– Недобрая шутка, капитан, – сухо сказал Волин и с вызовом добавил: – Но ей-богу, если бы случилось чудо, нет, если бы это помогло чуду и нам бы удалось спастись, ну что ж, я согласен жениться на крестьянке.

Проскрипела над их головами лядя, и в светлом квадрате появилось заспанное лицо охранника.

– Эй вы, там! Держите!.. – с равнодушной ленцой предупредил он.

И сверху вниз поплыло ведро с болтушкой. Капитан Ростовцев подхватил его, поставил посреди темницы.

– Прошу к столу, господа!

«Господа» не заставили себя упрашивать. Уселись мигом вокруг ведра. На ощупь опускали в ведро ложки, ели.

– Кухня шеф-повара «Континенталья» дяди Вани, – кисло пробормотал поручик Дудицкий, брезгливо помешивая ложкой в ведре.

– Я в Киеве предпочитал обедать в «Апполо», – подал реплику Волин. – Там в свое время были знаменитые расстегаи.

– Что-то сейчас там, в нашем Киеве, – задумчиво произнес полковник Львов.

– «Товарищи» гуляют по Крещатику, – сказал капитан Ростовцев так, чтобы слышали красные командиры. – Красные командиры едят в «Апполо» кондер с лошадиными потрохами...

– Я не о том. У меня в Киеве сестра. К ней должны были приехать моя жена с сыном, да вот не знаю, добрались ли... – Полковник не закончил фразу: снова заскрипела лядя и в проеме появилось несколько раскрасневшихся от выпивки лиц.

– Пожрали?.. Все! Вылазь! Вышло ваше время!..

Они по одному вылезли из подвала и, ослепленные после темноты, остановились у широко открытой двери амбара, не решаясь выйти на улицу, залитую ярким солнечным светом.

Все они были босые, без ремней, в выпущенных наружу рубахах и гимнастерках.

Мирон пошел вперед, за ним двинулись пленные. Слева и справа от них настороженно шагали с обрезам в руках конвойные.

Они прошли через двор, обогнули пулеметную тачанку, на задке которой была прибита фанера с коряво выведенной надписью: «Бей красных, пока не побелеют! Бей белых, пока

не покраснеют!», подошли к крыльцу. Ездовой заканчивал впрягать сытых, с лоснящейся шерстью, трех карей масти лошадей.

– Ласково просим до хаты, – паясничал МIRON, показывая на дверь. – Сам батько Ангел возжелал с вами побеседовать. – И добавил: – Ну и воняет от вас. Что от красных, что от белых. А говорили, аристократия завсегда духами пахнет!

Когда пленники вошли в просторную, украшенную вышитыми рушниками, со следами выданной из угла божницы горницу, батька Ангел обернулся к ним и, морща нос, долго и бесцеремонно рассматривал, наслаждаясь их жалким видом. Затем, напустив на себя неприступный вид, приказал:

– Докладывайтесь, кто такие?

Полковник Львов передернул плечами и отвернулся.

– Та-ак... Не желаете, значит, говорить? – распаляя себя, медленно протянул атаман.

И тогда за всех на вопрос Ангела ответил Волин:

– Все мы – кадровые офицеры, кроме этих двоих. – Ротмистр указал глазами на Сиротина и Емельянова. – Среди нас – полковник Львов.

– Кадровые, говоришь, офицеры?.. А этот, говоришь, полковник? – хриловатым то ли с перепоя, то ли еще со сна голосом переспросил Ангел и внимательно посмотрел на Львова. – Куда ж он сапоги дел? Пропил?

У Львова дрогнуло лицо, он хотел что-то сказать, но промолчал.

– Сапоги с нас сняли ваши люди, – выступил вперед Кольцов. – Вот этот! – И он указал глазами на Мирона, который сидел возле двери на табурете, выставив вперед напоказ ноги в трофейных сапогах, словно приготовился смотреть спектакль.

– Этот? Ай-яй-яй! А еще боец свободной анархо-пролетарской армии мира! – укоризненно покачал головой батька и снова стал рассматривать пленных холодным, немигающим взглядом. Затем подошел к столу, быстрыми движениями расстелил карту: – Так вот, братва, хочу я с вами маленько побеседовать... Вы уж не обижайтесь, у нас ни товарищев, ни благородиев. Мы по-простому: братва и хлопцы.

– А как же женщин будете величать? – не удержался, язвительно спросил Львов.

Однако Ангел сделал вид, что не услышал этого вопроса.

– Так вот, хочу я, братва, прояснить вам обстановку, чтоб, значит, мозги вам чуток прояснить. Может, чего поймете! – Ангел склонился к карте, продолжил: – Тут вот сейчас красные. Отступают... Тут – белые. Наступают. Вроде бы как все складывается в вашу пользу, – он взглянул на белых офицеров, а затем перевел взгляд на красных командиров, – и не в вашу пользу. Но это обман зрения. – И, сделав большую, выразительную паузу, торжествующе добавил: – На самом деле все складывается в мою пользу...

Ангел несколько раз прошелся по горнице, снова остановился перед полковником Львовым, спросил:

– Понимаешь?

– Нет, – чистосердечно сказал полковник, считая, что ложь даже перед таким человеком, как Ангел, унижит его самого.

– Во-от. Вы все много учились и маленько заучились. – Он хитровато зыркнул взглядом в сторону красных командиров: – Кроме вас, ничему не обученных. Мы тоже, правда, в грамоте не сильны, но вот до чего дошли своим собственным мужицким умом. Война идет где? Вот здесь... – Он указал на карту. – На железных дорогах. И слава богу, воюйте себе на здоровье! До ближайшей железной дороги сколько верст? Сколько, МIRON? – Лицо у батьки вытянулось, и он стал похож на большую переевшую мышь.

– Тридцать две версты с гаком, батько! – с готовностью ответил МIRON.

Батька благосклонно посмотрел на него.

– Тридцать две версты. Верно. А то и поболее, – согласился Ангел. – Это в одну сторону, а в другую – до Алексеевки, Мелитополя, Александрова, считай, все триста будет. А в третью сторону, – неопределенно махнул он рукой, – тоже за неделю не доскачешь... и в четвертую... Все, где железные дороги, то – ваше, а остальное, стало быть, – наше, мужицкое. Тут мы хозяева, хлебоборобы... Вот вы навоюетесь, перебьете друг дружку. А которые останутся – есть захотят. А хлебушек-то на железной дороге не родит. К нам припожалуете. Поначалу с оружием. Но мы, значит, кое-что предпримем, чтоб отбить у вас охоту с оружием к нам ходить. Ну, вы тогда с поклоном: есть-то хочется. Мы вам дадим хлебушка. В обмен на косилку, на молотилку, на иголку с ниткой... Так и заживем по-добрососедски. Потому мужик без города может прожить, а вот город без мужика... – Ангел сложил пальцы, показал всем кукиш.

Мирон не выдержал, прыснул в кулак, да так и застыл, лишь плечи у него тряслись от смеха.

– Мужицкое, значит, государство? – спросил жестко и непримиримо полковник Львов. – Мужицкая республика?

– Что-то навроде этого. Государство, республика. Придумаем, какую названку дать. И государство как, и баб. Сами не придумаем – вы поможете. Не бесплатно, нет! За хлеб да за сало будут у нас и ученые, и те, что книжки пишут. Все оправдают, про все напишут. – Ангел снова подошел к полковнику Львову, поднял на него тяжелые, похмельные глаза: – Я к чему веду? Если вам все понятно, предлагаю идти ко мне на службу. Поначалу советниками. Без всяких, само собой, прав. А дельными покажетесь, в долю примем. Не обидим, стало быть. Ну?

Полковник Львов насмешливо и брезгливо поморщился и, жестко посмотрев в глаза атамана, отчеканил:

– А не много ли тебе чести, Ангел, иметь советником полковника русской армии?

– Та-ак... – Ангел зло сощурил глаза и теперь и вовсе стал походить на белую раскормленную мышь. – Ты еще что скажи! Напоследок! Как попу перед смертью!.. – Он кинул было руку к раскрытой кобуре.

Сидевший у двери Мирон тоже весь подобрался, выжидающе смотрел то на полковника, то на Ангела.

Остальное произошло в доли секунды.

Кольцов, увидев у Ангела расстегнутую крышку кобуры, понял, что это единственный шанс попытаться спастись. Резко наклонившись, он выхватил маузер из кобуры. Загремели выстрелы. Ангел, так и не успевший понять, что случилось, схватился за живот, рухнул на землю. В смертной тоске закричал конвоир, в которого Кольцов молниеносно всадил две пули.

Емельянов бросился к упавшему конвоиру, подхватил его обрез и подскочил сбоку к Мирону, который целился в Кольцова. На какое-то мгновение он опередил его, ударив обрезом по голове.

Кольцов понимал, что поле боя должно остаться за ними, иначе – гибель, иначе не добраться до тачанки. И он стрелял. От выстрелов Кольцова и Емельянова повалился Семен, тот самый, что охранял их в амбаре, за ним свалились еще двое ангеловцев. Но Семен стоял возле подпоручика Карпухи. Падая, он успел выстрелить Карпухе в голову.

– К тачанке, живо! – крикнул Кольцов и первым выбежал на улицу.

Следом за ним бросился полковник Львов, по пути прихватив обрез, который выронил из рук оглушенный Мирон. Дослал в патронник патроны.

Услышав выстрелы, к хате до всех ног неслись трое ангеловцев. Один из них оказался лицом к лицу с Кольцовым и получил последнюю пулю. Емельянов выхватил у упавшего ангеловца винтовку. Другую схватил Сиротин. В несколько прыжков они достигли тачанки.

Полковник столкнулся с сиденья шуплого ездового, однако тот с неожиданным упорством и силой стал остервенело цепляться за вожжи. Кольцов с налета ударил его рукоятью маузера по голове, и тот, отпустив вожжи, свалился с тачанки.

Ротмистр Волин и поручик Дудицкий поспешили вслед за ними, еще толком не успев понять, что же случилось. Времени на размышления не было.

Полковник разобрал вожжи, взмахнул ими, и кони с места рванули вскачь.

– Все? – обернулся полковник.

– Ростовцев! Капитан! – закричал Дудицкий.

И, словно услышав этот крик, капитан выскочил из хаты, неся ящик. Тяжело дыша, догнал тачанку.

– Патроны! – сказал он и передал ящик Емельянову.

– Садитесь! – крикнул Дудицкий, уступая капитану Ростовцеву место. – Садитесь же!

Капитан занес было ногу, но вдруг словно обо что-то споткнулся. Тачанка снова понеслась по двору.

– Ростовцев сел? – еще раз обернулся полковник и увидел, как капитан Ростовцев упал на колени, потом, словно подкошенный, медленно повалился в траву.

А следом за тачанкой с гиканьем и суматошным гвалтом уже мчались верховые, на скаку срывая карабины с плеч. Беспорядочно засвистели пули.

Кольцов схватился за пулемет, крикнул поручику Дудицкому:

– Готовьте ленту!

Ротмистр Волин нашарил под сиденьем тачанки пулеметные ленты.

– Куда? – обернулся к Кольцову полковник Львов. – Кто знает куда?

– Прямо! К мельнице, за ней лесок! – крикнул Кольцов, прикидывая, что в лесок ангеловцы, пожалуй, не пойдут. Да и скрыться там легче.

Поднимая клубы рыжей пыли, тачанка пронеслась по околице хуторка, пугая людей, сидящих на завалинках, и сонных кур на заборе, затем лошади выскочили на бугор, к мельнице. Тачанка крутнулась на бугре, обливая преследователей градом свинца.

Из дворов выскакивали все новые верховые, устремлялись в погоню. Но уже не было в них ни ярости, ни силы, редко кто вырывался вперед, потому что с тачанки бил не умолкая пулемет. К рукояткам припал Кольцов.

– Экономьте патроны, капитан! – крикнул полковник не оборачиваясь.

Скрылась вдаль мельница, тачанка вскочила в лесок.

Ангеловцы наддали и стали обходить слева и справа; все больше и больше смелея, иные уже запальчиво вынимали клинки. Вот они уже поравнялись с тачанкой. И тогда Кольцов снова нажал на гашетку – в седле, словно перерубленный пополам, переломился азартный ангеловец Павло, неосмотрительно вырвавшийся вперед; другие стали попридерживать разгоряченных коней.

Преследователей становилось меньше. Но те, кто продолжал погоню, все приближались к тачанке. Впереди скакал Мирон, в руке его отливал вороненой сталью клинок. Азарт погони и злоба – все было сейчас на его искаженном, побитом оспой потном лице. Он что-то яростно кричал то ли от злобы, то ли подбадривая самого себя: после удара, нанесенного Емельяновым, у него сильно болела голова.

Дорога сделала поворот, и Мирон оказался прямо перед пулеметом – один на один.

Кольцов долго целился и снова нажал на гашетку. Но очереди не последовало. В напряженной тишине только звучно стучали копыта и тяжело дышали вконец запаленные лошади.

– Ленту, ленту давайте! – закричал Кольцов.

– Все! – выдохнул ротмистр Волин. – Все! Нет патронов.

Мирон еще какое-то время скакал за тачанкой, но, обернувшись и увидев, что остался один, круто, на всем скаку, завернул коня...

Полковник ослабил вожжи, и лошади пошли шагом.

Был день. Но утренний туман еще не покинул озябшую землю, его клочья, похожие на пух невиданных птиц, цеплялись за ветви деревьев. Солнце проглядывало сквозь листву, заливало светом уютные круглые поляны, отгоняло облачка тумана в густые заросли. И не было тишины. Тяжело дыша, мирно пофыркивали лошади. Скрипели давно не смазанные колеса. И стоял такой громкий птичий щебет, какой редко можно услышать среди лета, а лишь ранней весной, когда природа ликует, отогреваясь после долгой зимы.

Оглядевшись вокруг, Кольцов даже усомнился: в самом ли деле всего несколько минут назад, припав к пулемету, он отстреливался от наседавших бандитов, не во сне ли почудились ему события сегодняшнего дня?

Видимо, о том же думали и его спутники. Они сидели в тачанке, вслушиваясь в добрые, мирные звуки, и молчали.

– Сиротин, у вас не осталось еще махорки? – спросил полковник Львов.

– По такому случаю наскребу сколько-нибудь, – ответил Сиротин и пересел поближе к полковнику. Они оторвали еще по куску газеты, свернули сигарки, задымили, щурясь на солнце.

– Эх, жалко мне везучего подпоручика, – вздохнул Емельянов. – И капитана Ростовцева тоже.

– Подобрел ты, парень! – зло сверкнув глазами, обронил Сиротин, внезапно построжевший.

– Однако, господа, надо что-то предпринимать, – сказал Дудицкий, взглянув на полковника Львова. – Надо выбираться к своим!

– Как вы себе это мыслите? – спросил полковник.

– Не знаю, – растерянно пожал тот плечами.

– Быть может, мы уже у своих, – сказал ротмистр Волин. – Я так думаю, что наши за эти дни крепко продвинулись.

Сиротин и Емельянов хмуро вслушивались в эти разговоры, на них никто не обращал внимания.

– Надо подумать, как нам поступить с этими! – Поручик Дудицкий кивнул на Сиротина и Емельянова. – Если мы уже на своей территории, они автоматически...

– А если нет? – раздраженно спросил Волин. – И потом, неужели вашего благородства...

– При чем здесь благородство?! – почти выкрикнул Дудицкий. – Есть присяга!..

Сиротин и Емельянов почти одновременно прыгнули с тачанки и, насторожившись, пошли рядом.

– Вот что, братва... Извините, господа, привычка! Скорее всего вы на нашей территории. Но это не важно! Мы с Гришей посоветовались и решили вас отпустить.

Львов весело улыбнулся, еще не успев привыкнуть к мысли, что они на свободе.

– В бою встретимся – по-другому поговорим... – продолжал Сиротин. – Имущество делить не будем, хоть нажили мы его и сообща. Вам, сдается мне, эта тачанка еще пригодится, пока доберетесь до своих. А вот ружьишко одно мы прихватим. Хоть и без патронов оно, а вид дает, – по-свойски, расторопным говорком закончил он.

Еще какое-то время красные командиры шли рядом с тачанкой, потом свернули с дороги, направились к зарослям. Возле кустов остановились. Сиротин махнул рукой, бросил:

– Прощайте, братва! Может, еще и свидимся!..

Если бы кто-нибудь из сидящих в тачанке посмотрел в это мгновение на Павла Кольцова, то увидел бы в его глазах тоску и растерянность. Сиротин и Емельянов до последней,

до этой минуты оставались для Кольцова ниточкой, связывавшей его с тем, иным миром: миром его друзей, его жизни, его убеждений...

Сиротин и Емельянов шагнули в кустарник. Закачались и застыли ветки. Затихли вдали шаги.

Все! Нить порвалась. Он остался один. Один отныне, среди врагов, с которыми предстояло ему теперь жить и с которыми предстояло бороться: после того, как они по-братски делили болтушку.

Пели в лесу птицы. В неподвижном воздухе висел белый пух одуванчиков.

– Сколько вместе пережили, – задумчиво сказал полковник Львов Волину, – а вы их даже на свадьбу не пригласили.

– На какую еще свадьбу? – недоуменно спросил Волин.

– С крестьянкой!

– Сначала – в баню. С таким амбре за меня ни одна крестьянка не пойдет.

Все дружно, весело засмеялись.

Полковник взмахнул вожжами, и кони прибавили шаг.

* * *

Мирон Осадчий тем временем возвращался после погони в хутор. Ехал напрямик, через лес. Колоколом гудела разбитая голова. Ветки хлестали по лицу, однако он не обращал на это внимания. На дорогу не выезжал – мало ли что взбредет в голову этим белогвардейским офицерам, будь они трижды неладны. Ясно, что по лесу на тачанке далеко не уедут.

Ехал Мирон шагом, давая коню остыть. Время от времени он машинально стирал шапкой мыльный пот, который хлопьями вскипал на крупе и боках лошади. На душе у Мирона было тяжело, мутно. Батяка Ангел убит. Кто станет на его место? Некому. И выходило так, что надо ему, Мирону, собирать свои нехитрые пожитки и отправляться до дому, в Киев, на Куреневку. Там переждать лихую годину, обмозговать, что к чему. А потом уже или к белым примкнуть, если они в этой войне верх возьмут, а может, и к красным податься, если будет им удача.

– Мирон!.. – слабо окликнул голос сзади, и Мирон испуганно натянул повод коня, обернулся. Возле дерева лежал Павло. – Мирон! Подмогни!.. – снова позвал Павло страдальческим голосом.

Мирон направил к Павлу коня, остановился возле него, но не спешил.

– Куда тебя? – спросил он.

– В ноги... и в бок... Ты это... перевяжи меня. Слышишь, перевяжи, а то кровью изойду. Видишь, как текет? – тянулся глазами к дружку раненый, не в силах поверить, что на этот раз обошла его удача. Смушковая шапка валялась у его ног.

Мирон внимательно и цепко посмотрел на Павла, сокрушенно сказал:

– Да, не повезло тебе!.. А ну пошевели ногами!

Павло собрался с силами, приподнял голову, но тут же снова сник. Некоторое время лежал молча, с закрытыми глазами.

– Видать, хребет перебит, – с сочувствием сказал Мирон.

– Ты меня на телегу... и до Оксаны... Она выходит, – с надеждой сказал Павло.

– Калекой будешь... – задумчиво обронил Мирон. – А она молодая, красивая!

– Не перекипело в тебе? – облизал сухие губы Павло.

– Нет, – чистосердечно сознался Мирон. – Люблю.

– А она меня любит. Жена она мне... Перевяжи, Мирон!

– Пройдет время, забудет тебя... Все ведь забывается, Павло. И любовь забывается. – И Мирон тронул повод. Конь осторожно переступил через Павла, медленно пошел к кустарнику.

– Слышь... выживу!.. – прохрипел Павло. – На руках доползу, но не видать тебе Оксаны!.. Слышишь, гнида!..

Мирон снова придержал коня, обернулся...

Они выросли вместе на окраине Киева, на Куреневке. Светловолосая, сероглазая Ксанка, девчонка своенравная и драчливая, была единственной, кого куреневская пацанва приняла в свои игры, ей даже прозвище дали Гетманша... Бежали годы. Стала Оксана статной красавицей, самой завидной в Куреневке невестой. Из всех парней выделила она одного – Павла, и Мирон, давно и тайно в нее влюбленный, понял: не судьба. Понять понял, но не смирился. Когда Павло ушел на войну, стал он топтать дорожку к Оксаниному дому, из кожи лез, чтобы угодить Оксане, стать ей подмогой, прослыть нужным, необходимым, опорой. И втайне надеялся, что не вернется Павло с войны.

А он вернулся. Раненый. С медалями на груди.

И снова Мирон ждал, на что-то надеялся. Только не по его выходило: шагал Павло по жизни словно заговоренный. И уже когда у Ангела очутились, в какие передряги попадали – а все пули мимо.

И вот – дождался...

– Никуда ты, Павло, не доползешь. Все. Точка. – Мирон сунул руку за сорочку, вытащил кольт.

Павло повернулся к Мирону, глядел на него не мигая. Побелевшие губы еще что-то пытались сказать, а рука тянулась к обреза. Но Мирон видел – не дотянется, далеко, и рука слаба.

Он поднял пистолет и, почти не целясь, выстрелил. Постоял еще несколько мгновений и, пришпорив коня, помчался по лесу.

Эту сцену наблюдал лежавший неподалеку в кустах раненый ангеловский ездовой. Когда Мирон выстрелил, ездовой глубже сунул голову в траву и затих, притворившись мертвым. Впрочем, Мирон его не заметил. Он торопился подальше от этой тихой поляны, поросшей печальными желтыми цветами.

Глава шестая

Огромный и усталый от многочисленных перемен город на днепровском берегу жил тревожно и оглядливо, потому что упорно и неотвратно к нему приближался фронт, вокруг рыскали банды. И киевлянам, отвыкшим от мирной устойчивости, казалось удивительным, что из поездов, с перебоями и опозданием прибывающих в город, еще толпами вываливают люди.

На одном из таких неторопливых и горемычных поездов приехал в Киев Юра. На выходах с перрона пассажиров бдительно проверяли бойцы заградотряда, но на Юру внимания никто не обратил, его подтолкнули к выходу, и он оказался на привокзальной площади. Шум и гам висели над ней. Оборванные, юркие, быстроглазые беспризорники наперебой, стараясь перекричать друг друга, предлагали поднести вещи, какие-то женщины с мешками и корзинами с трудом отбивались от их услуг. Суетились извозчики и дрогали. Лоточники, продававшие штучные папиросы, бублики, кровяную горячую колбасу, в розовую и белую полоску сахарные палочки, браво нахваливали свой товар. В стороне деловито выравнялись шеренги отбывающих на фронт красноармейцев. И над всем этим ярко светило беспечальное солнце.

Было жарко и, как показалось Юре, празднично, хотя на самом деле пыльная привокзальная площадь жила обычной суматошной жизнью и люди, загнанные в ее толкотню, втиснутые в ее беспорядочное движение, были озабоченными, усталыми, лишенными приподнятой оживленности, которая отличает праздники.

Юра добрался до цели. Еще неделю назад этот город казался ему таким далеким, словно лежал за семью морями, но наконец Юра – один, совсем один, самостоятельно – одолел все, и вот он – Киев. А еще жило в мальчишке воспоминание о прошлых приездах в этот город с отцом и мамой; тогда папина сестра Ксения Аристарховна с мужем встречали их на вокзале, и начинался для Юры длинный, нарядный праздник с шумным катанием по Днепру на лодках, и конные прогулки по лесу, и чудесные вечера на даче в Святошино, и самые любимые его лакомства, и еще многое, многое другое.

Он, конечно, понимал, что сейчас будет иначе. И все равно при мысли, что лишь несколько улиц отделяют его от родных, Юру охватило такое нетерпение, что ноги сами понесли по городу: скорей! скорей! И внутри его что-то пело, словно он спешил на праздник. Правда, он подзабыл, где эта Никольская, но знал, что обязательно отыщет ее, люди подскажут...

Минуя стороной знаменитый в те дни Еврейский базар, именуемый в народе Евбаз, Юра вышел на Бибиковский бульвар. Там, на углу, огляделся, спросил пожилую женщину: – Скажите, пожалуйста, как пройти на Никольскую улицу?

Женщина очень долго объясняла мальчику, как попасть к Бессарабке и затем на Никольскую. Короткой дорогой – по Собачьей тропе – идти не посоветовала, предостерегла:

– Там такая шантрапа – обворуют, а то, чего доброго, и прибьют... Иди лучше другим путем – через Крещатик, потом по Институтской, Левашовской, Александровской.

На Бессарабке Юра немного постоял в раздумье и решительно свернул на Собачью тропу. Прошел Александровскую больницу. И сразу же за садом больницы открылся ему до неправдоподобности странный поселок. Приземистые лачуги, больше похожие на собачьи будки, нежели на жилища людей, были кое-как слеплены из ломаной фанеры, старого железа, разбитых ящиков. Около них копошились какие-то люди в лохмотьях – это были нищие, мелкие воры и беспризорники.

Юра благополучно дошел почти до конца Собачьей тропы. Иногда быстрые любопытные глаза то воровато-цепко, то нагло, с вызовом, а то равнодушно-сонно ощупывали его

самого, потрепанную курточку и побитые, слегка скособооченные ботинки и, видимо, считали все это не заслуживающим внимания.

Но вот из-за одной развалюшки вынырнула костлявая фигура в развевающейся на ветру рвани. Беспризорник быстро пересек дорогу Юре и остановился, вызывая отставив ногу. Это был мальчишка приблизительно Юриных лет с наглыми, по-кошачьи рыжими глазами. Сквозь прореху рубашки на плече виднелась острая ключица. Мальчишка, оттопырив нижнюю губу, насвистывал что-то бойкое. Юра, чтобы не показать виду, что ему не по себе, смело направился к беспризорнику и спросил вежливо и спокойно:

– Вы не скажете, как пройти на Никольскую?

Беспризорник высокомерно осмотрел Юру сверху вниз, задержал взгляд на ботинках и так же высокомерно бросил:

– Давай махнем!

– Что? – не понял Юра.

– Поменяемся, говорю. Штиблеты на штиблеты. – И он выразительно покрутил носком башмака, из которого вылезали пальцы.

Юра улыбнулся такой шутке и хотел направиться дальше, но беспризорник снова преградил ему путь.

– Пропустите, пожалуйста! – тихо, но твердо сказал Юра, безбоязненно глядя в глаза обидчика.

– Ого! – хохотнул беспризорник и фасонно, в знак своей неодолимости, выставил ногу. – Ну а ежели не пущу?

– Ударю!

– Чего-о? – угрожающе протянул мальчишка и для еще большего устрашения замысловато сплюнул через зубы.

– Ударю, говорю! – твердо повторил Юра, пристально следя за каждым движением противника. – Я изучал бокс и джиу-джитсу...

Беспризорник подбросил и поймал на лету увесистый камень, зажал его в руке. И замахнулся...

Если бы Юрины гимназические наставники могли увидеть своего питомца, они бы несомненно остались довольны. Заученным движением Юра перехватил руку обидчика, но не удержался на ногах, и они вместе упали в пыль и покатались по земле, осыпая друг друга крепкими тумачами. Но вскоре оба запыхались, устали.

– Ну, может, хватит? – тяжело дыша, наконец запросил пощады беспризорник.

– А приставать больше не будете? – сидя верхом на противнике, великодушно осведомился Юра.

– Не-е. – И с тенью уважения в голосе мальчишка добавил: – Здорово дерешься!

– То-то же! – вставая, сказал Юра. – Я же вас честно предупреждал!..

– Вот только губу, жандарм такой, разбил! – Беспризорник стер с подбородка кровь.

Юра, не оборачиваясь, двинулся дальше, однако прислушивался, нет ли погони. Но его никто не преследовал.

Оборванный, с кровоподтеками и царапинами, подошел он в сумерках к двухэтажному особняку, обнесенному глухим забором. Несколько раз потянул ручку звонка, не замечая, что через «глазок» в калитке за ним наблюдают. Наконец недовольный женский голос неприятно спросил:

– Вы к кому?

– К Сперанским.

Калитка нехотя растворилась. Пышнотелая женщина в толстом домотканом фартуке провела Юру в дом, оставила в передней.

Через минуту в переднюю быстро вошла, шурша платьем, невысокая молодая женщина. Чертами лица она напоминала Юриного папу; у Юры дрогнуло и громко-громко забилося сердце.

– Тебе что нужно, мальчик? – спросила она.

– Ксения Аристарховна, тетя Ксения! Не узнали меня?

Женщина серыми блестящими глазами долго удивленно всматривалась в лицо мальчика и вдруг вскрикнула:

– Юра! Бож-же мой, Юра? Как ты очутился здесь? Где мама?.. Ой, господи, что у тебя за вид?

Она нервно схватила Юру за руку, ввела в просторную, обставленную старинной мебелью комнату и, нежно и заботливо оглядывая его со всех сторон, позвала:

– Викентий!.. Викентий, иди скорей сюда!

В гостиную вошел высокий полный мужчина с капризным, холеным лицом, на котором лежала печать уверенного спокойствия. Он торопливо взбросил на переносье пенсне.

– Юра? – изумленно вскинув тяжелые брови, воскликнул он – Что случилось, Юра? Где мама?

Юра в бессилии потупил голову, и слезы потекли по его щекам...

Потом, вымытый и одетый во все чистое, успокоенный той заботой, с которой его встретили, Юра сидел на широком диване рядом с Ксенией Аристарховной. Он все время старался быть ближе к ней, к ее надежному, уютному, почти материнскому теплу, к рукам, таким же ласковым, как у мамы.

Сидя здесь, в теплой и чистой квартире, Юра испытывал странное чувство раздвоенности. Оно возникло у него еще в дороге, когда он добирался до Киева, когда ехал в тамбурах, на подножках и даже в «собачьем ящике» классного вагона. В «собачий ящик» он забрался в Екатеринославе и, измученный всем пережитым, проспал почти до Киева. Проснувшись, стал взбалмошно вспоминать – и не мог поверить, что все происшедшее случилось именно с ним. Тот, прежний Юра Львов, книжник и неумный фантазер, беспомощный в обычной жизни, словно бы остался навсегда там, в пустынной степи, у маленького земляного холмика. С ним просто не могло произойти ничего такого, что произошло с другим Юрой Львовым, который бесстрашно шел через ночную степь, блуждал по безлюдному лесу, сумел убежать из Чека, научился на ходу цепляться за поручни уходящих вагонов, прятаться от железнодорожной охраны... Но ведь все это было. Было!

Первый Юра со слезами рассказывал Ксении Аристарховне и Викентию Павловичу об их жизни под Таганрогом, о поезде, о болезни и смерти мамы. Другой же не удержался, стал громко и даже немного хвастливо рассказывать о своих приключениях после того, как он остался один.

Выслушав рассказ Юры о драке на Собачьей тропе, Викентий Павлович обернулся к жене:

– Я так понимаю, Юрий принял сегодня боевое крещение! Все правильно, надо бить!.. Надеюсь, ты не посрамил фамилию?! – патетически воскликнул он.

– Я ему сильно надавал! – засветился от похвалы Юра и добавил: – Приемом джигитсу... вот этим... знаете...

– Молодец! Хвалю! Начинай с малого, с малых большевиков! – заулыбался собственной остроте Викентий Павлович.

– А я и в Чека был. У красных. – Юра хотел преподнести это особенно эффектно, как самое сенсационное в пережитом, но вдруг вспомнилось буднично-усталое лицо Фролова, красные от бессонницы глаза – и голос его помимо воли упал чуть ли не до шепота: – Правда, был в Чека...

Ксения Аристарховна всплеснула руками, брови страдальчески надломились, а Сперанский близко заглянул Юре в лицо и укоризненно покачал головой:

– Ну, это уж ты, братец, сочиняешь! – А сам горестно подумал: «Такое ныне время, должно быть, когда и мальчишки гордятся тем, что в меру сил своих принимают участие в борьбе. Слишком быстро взрослеют сердца».

Юра же, задетый тем, что ему не верят, стал запальчиво рассказывать:

– Схватили они меня и – к самому главному. А тот и говорит: ты шпион!

– А ты? – скептически спросил Викентий Павлович.

– А я?.. А я ка-ак прыгну! И – на улицу! И – через забор! – Теперь Юра опять рассказывал громко, даже залихватски и, чувствуя себя необыкновенно смелым и ловким, суматошно размахивал руками. – А потом по улице... по огородам... Стрельба подняла-ась!

И тут Юра запнулся, вспомнив, что ниоткуда он не прыгал, что из Чека его выпустили и никто за ним не гнался. А еще он вспомнил Семена Алексеевича и то, как внимательно моряк отнесся к нему и на батарее, и позже, когда они ехали в Очеретино. Ему стало немного стыдно за свое хвастовство, и он смущенно поправился:

– Нет, стрельбы, кажется, не было... потому что... никто за мной не гнался.

– Это уже детали. – Сперанский по-отечески взъерошил Юре волосы. – Главное, что ты достойно выдержал экзамен на мужество. – И затем торжественно добавил: – Отменнейший молодец! Гвардия! Весь в отца!

Несколько мгновений они сидели молча, постепенно привыкая друг к другу. Потом Юра поднял глаза на дядю:

– А вы, Викентий Павлович?

– Что – я?

– Вы ведь тоже, как и папа, офицер. Почему вы не воюете?

Сперанский как-то со значением рассмеялся, потрепав Юру по щекам.

– Резонно... резонный вопрос! – Он поколебался, словно советуясь сам с собою о чем-то таинственном и важном, и наконец произнес. – Потом узнаешь... Позже!.. Да-да, несколько позже! – Викентий Павлович прошелся раз-другой по комнате, снова присел возле Юры, положил ему руку на плечо и наигранно-виноватым голосом продолжил: – Время... трудное и сложное в данный момент время, Юрий. И ты должен нам с тетей Ксеньей помогать. Договорились? Мне сейчас ходить по городу, так сказать, небезопасно. Ну знаешь, облавы там, проверки документов, да мало ли что... Поэтому за продуктами и по разным хозяйственным делам будешь ходить ты!

– Я? Я с удовольствием, Викентий Павлович! – с готовностью согласился Юра.

– Ну, зачем же... – попыталась было вмешаться в этот разговор Ксения Аристарховна, но не договорила – Сперанский пресек ее попытку взглядом, многозначительным и строгим.

Глава седьмая

В обитом желтым шелком салон-вагоне командующего Добровольческой армией находились трое: сам хозяин, полковник Щукин и полковник Львов, тщательно выбритый, в хорошо подогнанной армейской форме.

– Я про себя уже крестное знамение сотворил, думал, как достойно смерть принять, – рассказывал Львов о недавно пережитом. – И право же, о таких избавлениях от смерти я в юности читал в плохих романах...

– Судьба, – улыбнулся Ковалевский.

– Случай, Владимир Зенонович. А может, и судьба, которая явилась на этот раз в облике капитана Кольцова. Если бы не он, не его хладнокровие и отчаянная храбрость... все было бы совсем иначе!

– Н-да, не перевелись еще на Руси отважные офицеры, – задумчиво сказал Ковалевский и поднял на Львова глаза. – Вам не доводилось знать его раньше?

– Несколько раз встречался с его отцом. В Сызрани был уездным предводителем дворянства. Очень славный человек! – обстоятельно объяснял полковник Львов.

– О! Значит, капитан из порядочной семьи! – Ковалевский медленно, чуть сгорбившись и заложив руки за спину, несколько раз прошелся по вагону, затем остановился напротив полковника Львова. – В минуты горечи и отчаяния я думаю о том, что армия, которая имеет таких воинов, не может быть побеждена. По крайней мере, пока они живы... Ну что ж, представьте мне капитана. Хочу взглянуть на него, поблагодарить.

Щукин предупредительно встал, пошел к двери. Походка у него была легкая и беззвучная, как будто он был обут в мягкие чуйки.

Кольцов вошел в салон-вагон следом за Щукиным. Он, как и Львов, был уже в новой форме. Прямая фигура, гордо вскинутая голова, решительная походка, четкость и некоторая подчеркнутая лихость движений – все говорило о том, что это кадровый офицер.

Щелкнув каблуками, Кольцов доложил:

– Ваше превосходительство! Честь имею представиться – капитан Кольцов.

Командующий с интересом посмотрел на капитана, лицо его смягчилось еще больше, и он двинулся навстречу офицеру, невольно любуясь его выправкой.

– Здравствуйте, капитан! Здравствуйте! – Командующий совсем не по-уставному, как-то по-домашнему пожал Кольцову руку. – Где служили?

– В первой пластунской бригаде, командир – генерал Казанцев, – четко отрапортовал Павел, прямым, открытым взглядом встречая благожелательный взгляд командующего.

– Знаю генерала Казанцева, весьма уважаемый командир. Садитесь, капитан! Наслышан о вашем достойном... очень достойном поведении в плену. Хочу поблагодарить!

Кольцов склонил голову:

– К этому меня обязывал долг офицера, ваше превосходительство!

– К сожалению, в наше время далеко не все помнят о долге! – Командующий присел к столу, снял пенсне, отчего усталые глаза его с припухшими веками словно погасли. – А кто и помнит, не проявляет должного дерзновения в его исполнении. – Немного подумав, командующий спросил: – Если не ошибаюсь, в дни Брусиловского прорыва ваша бригада сражалась на Юго-Западном фронте? Имеете награды?

– Так точно! Награжден орденами Анны и Владимира с мечами! – не очень громко, чтобы не выглядело похвальбой, отрапортовал Кольцов.

Командующий бросил многозначительный взгляд на Щукина: значит, смелость капитана не случайна. Чтобы получить в окопах столь высокие награды, надо обладать воистину настоящей храбростью – это Ковалевский хорошо знал.

Складывал свое мнение о командующем и Кольцов. Он был немного наслышан о военном умении и высоком авторитете Ковалевского. Сейчас же видел перед собой человека умного и доброго – сочетание этих качеств он так ценил в людях! Ковалевский был ему определенно симпатичен, и Кольцов ощутил сожаление, что такие люди, несмотря на ум, волю, проницательность, не сумели сделать правильный выбор и оказались в стане врагов...

Эти мысли, проскальзывая как бы вторым планом, не нарушали внутренней настороженности Кольцова, его предельной мобилизованности. После побега от ангеловцев все для него складывалось очень удачно, и это обязывало Кольцова к еще большей собранности: он знал, что в момент удачи человеку свойственно расслабляться, а он не имел на это права.

Вызов к командующему не был для Павла неожиданным, в сложившейся ситуации все должно было идти именно так, как шло. Вполне естественной была и приглядка Ковалевского к отличившемуся офицеру, хотя Кольцов и чувствовал в ней какую-то пока непонятную ему пристальность.

– Скажите, капитан, где бы вы хотели служить? – доверительно спросил командующий.

– Я слышал, ваше превосходительство, генерал Казанцев в Ростове формирует бригаду. Хотел бы выехать туда.

– Так-так... – Что-то неуловимое в лице Ковалевского, какое-то продолжительное раздумье насторожило Кольцова. По логике, в их разговоре можно было поставить точку. Интуиция же подсказывала, что командующий делать этого не собирается.

– А если я предложу вам остаться у меня при штабе? – вдруг спросил он.

Первая обжигающая сердце радостью мысль: «Удача, какая необыкновенная удача! – И тотчас же, вслед: – Но и удешевленный риск». Здесь, в штабе, он будет все время на виду, под прожекторами. Будет постоянно подвергаться контролям и проверкам... Выдержит ли легенда?... Однако риск того стоит. Такой второй возможности, может, никогда не представится... Эти противоречивые мысли промелькнули одна за одной, как волны. Если в разговоре и возникла пауза, то очень незначительная и вполне оправданная, когда человеку неожиданно предлагают изменить уже сложившееся решение. Лицо Ковалевского сохраняло прежнее доброжелательство, Кольцов отметил это. Теперь нужно было согласиться, но сделать это осторожно, сдержанно.

– Я – офицер-окопник, ваше превосходительство, – с сомнением в голосе сказал Кольцов, – и совсем не знаком со штабной работой!

– Полноте, капитан! – едва заметно нахмурился генерал, не любящий ни резкости, ни торопливости в людях. – Все мы тоже не на паркете Генерального штаба постигали войну. Но поверьте старому солдату, храбрость, самообладание и выдержка нужны не только на поле брани. В штабах тоже стреляют, капитан, правда перьями и бумагой. Но голову, смею уверить вас, сохранить ненамного легче, нежели в окопах...

Кольцов с покорным достоинством склонил голову:

– Благодарю за доверие, ваше превосходительство! Почту за честь служить под вашим командованием!

– Вы меня знаете? – Ковалевский внимательно посмотрел на Кольцова.

Кольцов снова сдержанно поклонился. Теперь его полупоклон должен был означать уважение и почтительность:

– Кто не знает имени генерала, который первым на германском фронте получил за храбрость золотое оружие! Имени генерала, который под Тарнополем вышел под пули и увлек за собой солдат в штыковую атаку!

– На войне как на войне, капитан! – Ковалевский задумчиво оперся щекою о ладонь, глаза у него стали отстраненными, словно мысленно он вернулся в те дни, когда, честолубивый, полный сил, он ждал от жизни только удач, когда неуспехи и жестокие поражения, отступления перед противником были у других, а не у него, Ковалевского. Ему было трудно

сейчас вернуться из того далека в салон-вагон, где были его товарищи по войне – Львов, Щукин и этот храбрый и тоже, как когда-то он сам, удачливый капитан. Но он пересилил себя. И тихо сказал в прежней доброжелательной тональности: – Вы свободны, капитан.

Когда Кольцов вышел, Львов спросил:

– Предполагаете – адъютантом, Владимир Зенонович? – В голосе полковника явственно звучало одобрение.

– Возможно, – кратко отозвался Ковалевский тем тоном, который обычно исключает необходимость продолжать начатый разговор.

Поднялся Щукин, который до сих пор молча сидел в углу салон-вагона, внимательно следя за разговором командующего и Кольцова.

– Владимир Зенонович, ротмистр Волин прежде служил в жандармском корпусе. С вашего разрешения, я хотел бы взять его к себе.

Ковалевский готовно кивнул, соглашаясь со Щукиным и отпуская его одновременно.

Оставшись наедине со Львовым, командующий пригласил его сесть поближе.

– Я понимаю, Михаил Аристархович! После всего пережитого вы, конечно, хотели бы получить кратковременный отпуск?

Полковник Львов недоуменно посмотрел на командующего и, почти не задумываясь, тотчас же решительно ответил:

– Напротив, Владимир Зенонович! Я сегодня же намерен выехать в вверенный мне полк.

– Нет. В полк вы не вернетесь... Вам известна фронтовая обстановка?

– Да, Владимир Зенонович, – со скорбью в голосе ответил полковник Львов. – Падение Луганска крайне огорчило меня...

– Генерал Белобородов сдал город, проявив нераспорядительность, бездарность и личную трусость, – раздраженно сказал Ковалевский. – Готовьтесь принять дивизию у Белобородова. Луганск для нас важен, взять его обратно нужно как можно скорее...

Назначение Львова командиром дивизии казалось командующему удачным, он верил в то, что полковник сможет благоприятно повлиять на исход операции. Все больше утверждаясь в этой мысли, Ковалевский тепло подумал о Львове, благодарный ему и за готовность, с которой полковник принял ответственное поручение, и за самую возможность дать это поручение именно ему. И тут же мелькнула грустная мысль, что вот встретились они, люди давно знакомые, даже друзья, а разговор их носит сугубо деловой, официальный характер, без малейшей интимности, теплинки, которая обязательно должна присутствовать в отношениях людей, давно и хорошо знакомых и симпатичных друг другу. И Ковалевскому вдруг захотелось внести эту теплинку, заговорив со Львовым о чем-то личном и важном только для него.

Командующий знал, что семья полковника находится на территории, занятой красными, что судьба жены и сына Михаилу Аристарховичу неизвестна, и это его постоянно мучило и угнетало. Он понимал, что за дни отсутствия Львова вряд ли могла проясниться неизвестность, но все же спросил, чувствуя, что сейчас уместно и нужно проявить участие и не важно, какая фраза будет произнесена первой:

– О жене и сыне по-прежнему никаких известий, Михаил Аристархович?

– Самое небольшое, Владимир Зенонович, – ответил Львов с той готовностью, которая подсказала Ковалевскому, что он ждал этого разговора и благодарен за него. – С оказией удалось узнать, что Елена Павловна и Юра выехали из Таганрога в Киев, там живет моя сестра. Выехать выехали, но доехали ли? Так что неопределенность осталась.

– Да-да! – страдальчески поморщился Ковалевский. – Ужасно, что мы не смогли защитить, уберечь самое для нас дорогое от всей этой кровавой революционной неразберихи. Знаете, я даже доволен, что не имею сейчас семьи, – и, спохватившись, снова вернулся к

прерванной теме: – Пожалуй, Елене Павловне лучше бы оставаться в Таганроге, мы будем там скорее, чем в Киеве.

– Но Леночке ведь неизвестны штабные планы, да и сводок с фронта она наверняка не читает. Запуталась, заметалась... – Голос Львова дрогнул от волнения.

– Будем уповать, что все обойдется, образуется и скоро вы встретитесь с Еленой Павловной и Юрой.

Ковалевский понимал никчемность этих утешающих слов. Но что он мог еще сказать?

* * *

В вагоне Щукина, в той его половине, что оборудовали под кабинет, не было ничего лишнего. По сравнению с салоном командующего это была келья отшельника: небольшой стол, стулья. Во всю стену – карта с загнутыми краями, сплошь утыканная флажками по всем зигзагам своенравной линии фронта. Эта линия своими причудливыми контурами напоминала фантазмагорический цветок, удлиненные лепестки которого простирались к Калачу, Луганску, Феодосии...

На окнах вагона – налитые свинцовой тяжестью плотные шторы, едва-едва пропускающие свет. Толстые железные решетки и два крепыша сейфа, стоящие рядом, придавали кабинету Щукина загадочность, говорили о таинственности и суровости его деятельности.

Войдя в кабинет, Щукин включил свет. Сел за стол.

Только что он снова разговаривал с ротмистром Волиным, и неясное чувство раздражения на самого себя постепенно наполняло его душу. Взять человека в отдел – значило допустить к самым тайным делам штаба. Не слишком ли опрометчиво он поступил, пойдя навстречу желанию Волина, когда тот предложил ему свои услуги? Да, Волин когда-то служил в петербургском жандармском управлении. Но что из того?.. С тех пор утекло много воды. Что Волин делал все последующие годы? С кем общался?..

Стук в дверь прервал его раздумья.

Вошел среднего роста капитан в тщательно отглаженном френче английского покроя. Его светлые волосы были старательно, с помощью бриолина, уложены и разделены уходящим к затылку безукоризненно ровным пробором.

– Не помешал, Николай Григорьевич? – Остановившись у двери, он многозначительно смотрел на Щукина.

– Очень кстати, капитан. Проходите, садитесь.

Капитан Осипов, ближайший помощник Щукина, любил элегантно, как он сам полагал, одеваться и выглядеть в глазах незнакомых людей светским человеком, таким английским денди. Он умел быть надменным и таинственным в обществе армейских офицеров и безупречно учтивым с начальством. Щукину случалось наблюдать его в различных жизненных ситуациях, что и говорить, умел капитан произвести впечатление, но... на людей неискушенных, принимающих позерство Осипова за его подлинную сущность. Мысленно посмеиваясь, Щукин легко прощал капитану эту его слабость. Более того, он никогда даже не намекнул Осипову, что его претензии на великосветскость нелепы и смешны. Он знал, что сумел бы простить своему помощнику и грехи поважнее, потому что этот человек обладал важнейшим для Щукина качеством – умением работать. Внешность внешностью, а в работу Осипов – сын разбогатевшего на плутовстве купца второй гильдии – въедался с цепкостью истинно крестьянской. Кроме того, он обладал еще и другими, необходимыми для настоящего контрразведчика чертами характера – терпением, дотошностью. Осипову полковник Щукин доверял безоговорочно.

Капитан Осипов с таинственным видом присел на кончик стула. И стал ждать, когда заговорит полковник. Лишь по опущенным на колени рукам можно было догадаться, что

ему хочется сообщить что-то важное: короткие и толстые пальцы нервно шевелились от нетерпения.

Щукин внимательно оглядел Осипова и сказал ровным, бесцветным голосом:

– Знаете, Виталий Семенович, доведись нам с вами встретиться сейчас впервые, я бы, пожалуй, угадал в вас контрразведчика.

Осипов скромно склонил голову, демонстрируя свой безукоризненный пробор:

– Неудивительно, Николай Григорьевич, с вашим опытом... – Его лицо слегка залоснилось от самодовольства.

Щукин перебил капитана:

– Для этого не нужно иметь богатого опыта! Есть контрразведчики, которые отличаются особым взглядом. Многозначительным и проницательным. И повсюду его демонстрируют. К месту и не к месту. К счастью, таких контрразведчиков немного!

На покрасневшем лице Осипова обозначилась откровенная растерянность.

– Я считаю это пороком, который надо всячески изживать, – все тем же тихим голосом продолжил Щукин. – Настоящий контрразведчик должен скрывать то, что вы так старательно выпячиваете. Эту загадочную многозначительность. Вот пришли ко мне, и я по взгляду уже знаю, что у вас какое-то важное известие. – Мягко оттолкнувшись кончиками пальцев от стола, он удобно прислонился к спинке стула и деловым тоном приказал: – Ну-с, докладывайте, что там у вас?

– Донесение от Николая Николаевича! – с трудом собираясь с мыслями, стал докладывать Осипов. – Он сообщает, что в Киев прибыла двадцать четвертая Туркестанская дивизия красных и днями будет направлена на пополнение Тринадцатой армии.

Щукин, внимательно вслушиваясь в сообщение Осипова, побарабанил пальцами по столу.

– Ваши выводы?

– Обстановка под Луганском усложняется для нас. По крайней мере, штаб, разрабатывая операцию к новому наступлению, должен это учесть. Может быть, ускорить наступление.

– Дальше, – коротко обронил полковник.

– Николай Николаевич также сообщает, что на Ломакинские склады в Киеве завезено очень большое количество провианта и фуража, предназначенного для войск Южного фронта. Николай Николаевич прямо пишет, что, если все это уничтожить, войска фронта окажутся в период летне-осенней кампании в весьма и весьма критическом положении, уже сейчас красноармейцы получают половинный, голодный паек... – Осипов выразительно посмотрел на Щукина.

– Что вы предлагаете? – спросил полковник.

– Полагаю, Киевскому центру это по плечу.

– Безусловно. У них есть возможности для осуществления такой операции. Подготовьте наше указание.

– Слушаюсь! – Осипов встал мгновенно, будто выпрямилась пружина. – Разрешите идти, господин полковник?

– Это не все, капитан. Сядьте! – Щукин посмотрел на Осипова долгим, невидящим взглядом, словно решаясь в этот момент на что-то, затем вынул из бокового ящика стола чистую папку, на лицевой стороне которой было жирно выдавлено: «Дело №...», и быстро написал на ней несколько слов.

– Досье? – позволил себе любопытство Осипов.

– Называйте как вам будет угодно, но потрудитесь в ближайшее же время вернуть мне эту папку с исчерпывающими сведениями на означенное лицо. – И Щукин протянул папку капитану.

Осипов мельком взглянул на щукинскую надпись.

– Но может ли ротмистр представлять для нас интерес, Николай Григорьевич? Мне кажется, в окопах он пройдет хорошую школу, прежде чем мы...

– Разве я недостаточно четко определил вашу задачу, капитан? – сухо спросил полковник. – А что до окопов... ротмистр Волин с завтрашнего дня будет зачислен в наш отдел.

– Понимаю, Николай Григорьевич. Как говорили древние: «Жена Цезаря должна быть вне подозрений».

Щукин поморщился, как от зубной боли, и затем сказал:

– Кстати, капитан Кольцов оставлен командующим при штабе. Нелишне было бы и на него запросить характеристику у генерала Казанцева, в бригаде которого он служил.

– Слушаюсь! – Осипов четко щелкнул каблуками, повернулся и уже спиной «дослушал»:

– И не увлекайтесь древностью, Виталий Семенович. В дне сегодняшнем она не очень уместна... Но смысл верен: или Волин и Кольцов вне подозрений, или...

Капитан Осипов хорошо знал, что означает второе «или».

* * *

Едва вступив в командование дивизией, полковник Львов предпринял новое наступление на Луганск. Двое суток шли ожесточенные кровопролитные бои. Командиры полков докладывали, что потеряли уже до трети личного состава. Приходилось ломать сопротивление противника на каждой улице, в каждом доме. У красных явно улучшилась дисциплина, более умелым стало управление войсками.

Лишь на третьи сутки к вечеру, когда солнце коснулось городских крыш, стрельба начала стихать. Полковник Львов тотчас отдал распоряжение переместиться штабу дивизии в центр города.

На улицах еще лежали мертвые красноармейцы рядом с убитыми конями. Красноармейцы были раздеты и разуты, у лошадей срезаны седла и сбруя. В вишневой тишине где-то за садами раздавались сухие щелчки выстрелов: это «добровольцы» из второго эшелона спешили добить раненых красноармейцев. Все это стало практикой войны с обеих сторон.

Вызвав адъютанта, полковник продиктовал телеграмму для генерала Ковалевского:

– Ваше превосходительство, Луганск вновь в наших руках. Преследуя противника,двигаюсь на Бахмут, Славянск. – И подавив тяжелый вздох, добавил: – Нуждаюсь в пополнении...

Нелегко далась полковнику Львову эта победа.

Глава восьмая

Шло время, и Юра постепенно втягивался в свою новую жизнь.

Размеренный быт тихой и тщательно прибранной квартиры с долгими утренними чаепитиями, обедами и ужинами в строго определенное время, долгие часы за чтением книг в маленькой боковушке на мансарде – все это словно перенеслось из прошлого. Но появилось и другое, непривычное, – почти ежедневные хождения по городу с записками к знакомым Викентия Павловича, содержащими просьбы достать муки, крупы или еще чего-нибудь из продуктов. Временем Юру не стесняли, и он, выполнив поручение, еще долго бродил по улицам и бульварам, наблюдая жизнь, временами непонятную и пугающую. Он всматривался в нее и думал, размышлял.

И еще одно прочно вошло в жизнь Юры: твердая надежда на скорую встречу с отцом. Произошло это так.

Однажды поздним вечером, устав от чтения, он лежал в постели и терпеливо слушал, как за окном стучит дождь: казалось, это скачет многокопытная конница. Ливни и конница неудержимы и веселы. И вдруг кто-то сильно и нетерпеливо зазвонил с улицы.

«Кто же это в такой час?» – опасливо подумал Юра и вышел на маленькую площадку перед дверью его комнатки, откуда по узкой, с расшатанными и скользкими перилами лесенке можно было спуститься в переднюю. Перегнувшись через перила, он увидел, как из спальни осторожно, на цыпочках вышел с зажженной лампой в руке Викентий Павлович с заспанным, мятым лицом, на котором было написано недовольство. Повозился у двери, осторожно приоткрыл ее, прислушался и пошел к калитке. Вскоре на пороге появился незнакомый широкоплечий человек в мокром сверкающем плаще.

Юра увидел, что гость зачем-то протянул Викентию Павловичу «катеринку» – сто-рублевую ассигнацию с изображением императрицы Екатерины Второй – и, наклонившись, что-то шепнул, после чего Сперанский поднес ассигнацию к лампе, тщательно ее осмотрел и, выглянув в коридор, запер за вошедшим дверь. Гость быстрым бесцеремонным взглядом оглядел переднюю, заглянул в раскрытую дверь гостиной, и его длинное бледное лицо постепенно утратило напряженность.

Пока гость раздевался, Сперанский спросил:

– Вы с дороги? Будете есть?

– Спать! – буркнул гость. – Я уже несколько суток не спал. Но прежде всего коротко поговорим о деле.

Они пошли в гостиную, и Викентий Павлович плотно закрыл за собой дверь...

Утром завтракали, как обычно, вдвоем. Никаких следов пребывания в доме ночного гостя Юра не обнаружил.

Викентий Павлович сидел за столом необычно оживленный, бросал излюбленные, изрядно поднадоевшие Юре шутки, многозначительно поглядывал на Юру, но только под конец завтрака как бы случайно уронил:

– Ну вот, Юрий! Я получил сведения о твоём отце. Он здоров...

Горячая волна радости захлестнула Юрино сердце.

– Где же он? Где?

– Он там, – благодушно махнул рукой в сторону окна Викентий Павлович, – он там, где повелевает ему быть долг русского офицера. Воюет с большевиками. Надеюсь, вы скоро встретитесь... А сейчас одевайся. Пойдешь к Бинскому. Да курточку накинь – что-то сегодня утро ветреное, легко простудиться.

Юре нравилось ходить по городу с разными хозяйственными поручениями Викентия Павловича – сколько можно было всего увидеть! Но вот к Бинскому на Лукьяновку он ходить

не любил. Этот до неправдоподобности худой человек с клочковатой неряшливой бородкой вызывал у него чувство какой-то гадливости. Но идти надо было. Юра надел курточку и вышел на улицу.

Стояло раннее утро, и Юра не спешил. Вышел к Никольскому форту и двинулся по улице, вдоль ограды Мариинского парка, вниз.

Один за другим тянулись над крутыми склонами Днепра Дворцовый парк, пышные Царский и Купеческий сады. Юра вспомнил, что, бывая в Киеве, его мама любила ходить на концерты симфонического оркестра, которые давались в Купеческом саду. И Юра, повинувшись неукротимому велению памяти, свернул в Купеческий сад, по дорожке из желтого кирпича прошел к деревянной белой раковине. Вот здесь он бывал с мамой, здесь... Но... скамейки для слушателей были давно разобраны на дрова, в оркестровой раковине вырублен пол, а на истоптанных клумбах вместо неудержимого праздничного цветения – полынная накипь. Не оглядываясь, Юра пошел быстрее прочь от этого места, где ничего не осталось от бывшего, где как бы свершилась казнь над одним из дорогих его воспоминаний...

Он вышел на шумную Александровскую площадь возле круглого трамвайного павильона, пересек ее и зашагал по Крещатику к зданию бывшей городской Думы, откуда должен был ехать трамваем на Лукьяновку.

Трамвай долго и гулко тащился по бесконечной Львовской, а потом по Дорогожицкой улице. Возле Федоровской церкви Юра лихо спрыгнул с подножки трамвая и повернул в переулок, где жил Бинский. Возле низенького домика с подслеповатыми окнами он остановился и постучал в дверь.

– Заходите! – приказал из-за двери скрипучий голос.

В темной прихожей Юра разглядел Бинского.

– Здравствуйте! – безрадостно произнес Юра.

– А, Юрий! Очень рад. Очень! Раздевайтесь, снимайте курточку, сейчас будем пить чай! – засуетился Бинский.

– Благодарю, но я не хочу чая...

– Раздевайтесь, раздевайтесь. Без чая я вас не отпущу, – настаивал Бинский, помогая Юре снять курточку и на ходу ощупывая ее. – Идемте в комнату.

Здесь тоже было сумрачно, пахло сыростью и мышами. Посередине комнаты с низким потолком стоял овальный стол, у одной стены – комод, возле другой – кушетка и тумба с граммофоном – хозяйство человека, которому от жизни ничего больше не нужно.

– Садитесь, кадет! Я приготовлю чай, а вы пока послушайте Вяльцеву. – Бинский опустил мембрану граммофона на пластинку и торопливо вышел.

Сколько раз уже Юра объяснял Бинскому, что никакой он не кадет, но, похоже, Бинский специально каждый раз забывал об этом.

Вяльцева раскатисто пела о тройке, о пушистом снеге...

Бинский принес и поставил на стол стакан чаю, коробку с ландринном и опять озабоченно вышел.

Из вежливости Юра отхлебнул глоток. Чай был холодный и какой-то липкий. Мальчик отодвинул стакан.

Вскоре вернулся Бинский с небольшой корзинкой.

– Это – перловая крупа для вас, – он показал на кулек, который лежал рядом с двумя бутылками мутноватой жидкости. – А это... это... э-э...

– Самогон? – попытался угадать Юра.

– Да-да. Это – самогон! – обрадованно и торопливо согласился Бинский. – Жуткая гадость. Но люди пьют... Я вас прошу, дружок, сделайте мне одолжение. Занесите этот... э-э... самогон одному моему знакомому. Вам, правда, придется сделать крюк! Но в виде

одолжения... Ноги у вас молодые... – Бинский смотрел на Юру просительными глазами, и, чтобы не выдать своей неприязни, Юра отвернулся и пробормотал полусердито:

– Пожалуйста!

– Поедете на Подол... Деньги на трамвай у вас есть? – услужливо засуетился снова Бинский.

– Конечно, – ответил Юра, зная, что Бинский все равно не даст и спрашивает о них единственно для проформы.

– Сразу возле Контрактовой площади увидите Ломакинские склады, спросите весовщика Загладина... Запомнили? – напутствовал мальчика Бинский.

– Да.

– Скажете ему: «С добрым утром, Алексей Маркович». И вручите.

Юра кивнул.

Бинский снова на секунду-другую выскочил из комнаты, вернулся с курточкой, помог Юре надеть ее. Хлопнул его по плечу, зачем-то подмигнул. Он был весь словно на шарнирах...

– Счастливого пути, кадет! – прокричал он и, подталкивая Юру впереди себя, проводил его на улицу.

Пересаживаясь с трамвая на трамвай, Юра доехал до Подола. Потом пешком пошел по булыжной Контрактовой площади, пыльной и грязной, со множеством замызганных харчевен и маленьких лавочек. Звонили к службе в Братском монастыре, и – толпа нищих в ожидании богомольцев плотно обступила монастырскую паперть.

Юра, не глядя ни на кого, быстро пересек площадь и вышел на улицу, которая вела к Днепру. Всю правую сторону улицы занимали приземистые складские помещения. На фасаде чернели огромные буквы: «Торговые склады бр. Ломакиных». Склады были обнесены забором с колючей проволокой. У ворот прохаживался часовой – молоденький красноармеец с беспечным лицом.

Когда подошел Юра, был уже обеденный перерыв. Грузчики, стоя у ворот, курили самокрутки, балагурили. Кто-то показал Юре Загладина. Это был высокий, широкоплечий, в запорошенной мучной пылью брезентовой робе мужчина.

– С добрым утром, Алексей Маркович, – подойдя вплотную, сказал Юра.

– Долго почивать изволили, юноша, – с неожиданной суровостью ответил Загладив и с опаской бросил взгляд по сторонам. – День уже.

Он взял Юру за руку, и они пошли за угол. Убедившись, что за ними никто не наблюдает, Загладин требовательно протянул руки:

– Давай!

Обе бутылки он засунул в карманы брюк под широченный брезентовый пиджак.

– Ты к Бинскому или домой? – спросил Загладин.

Юра удивился: оказывается, Загладин уже знал о нем!

– Домой.

– Передашь дяде... – строгим голосом сказал Загладин, – Викентию Павловичу... что тетя Агафья приедет сегодня вечером. Если, конечно, придет пароход. – Посмотрел мальчику в глаза и добавил: – Время-то сам знаешь какое – пароходы ходят нерегулярно.

Дотронувшись рукой до козырька кепки, он небрежно повернулся и деловито зашагал к складам мимо скучающего часового, бросив ему на ходу что-то, по-видимому, веселое, потому что часовой отставил в сторону винтовку и засмеялся. А Загладин уже шел мимо открытых настежь огромных лабазов, в глубине которых высились бурты пшеницы, мимо высоких пирамид из бочек, потом скрылся за горами обсыпанных мукою мешков, пыльных тюков, лохматых кулей и ящичков, что возвышались на всей площади складов.

Юра торопился, потому что опаздывал к обеду. Своим ключом он отомкнул калитку, вбежал в густую, вялую от зноя зелень палисадника и только хотел подняться на крыльцо, как услышал через открытое настежь окно столовой взволнованный голос Ксении Аристарховны:

– Не впутывай, слышишь, не впутывай Юру в свои дела. Он слишком мал!

– Перестань! – раздраженно отозвался Сперанский. – Ты думаешь, мне самому легко? Но так надо.

«О чем это они?» – бегло подумал Юра, и неясная тревога коснулась его сердца. Он, нарочито громко стуча каблуками по крыльцу, вошел в прихожую.

Уже за столом под смущенными взглядами Сперанской он рассказал, что принес крупу и что по просьбе Бинского ездил на Подол и поэтому задержался. Слово в слово передал Викентию Павловичу то, что велел сказать Загладин.

– Ну и слава Богу! – вздохнула Ксения Аристарховна. – Слава Богу, что все обошлось...

Сперанский строго взглянул в ее сторону и тоже облегченно вздохнул, обращаясь к Юре:

– А твоя тетя разволновалась и отругала меня. – Он притянул Юру к себе, прижал его голову к своему жилету и непонятно почему сказал: – Ничего, Юра, все образуется...

«Какие хорошие все-таки люди, – подумал о них у себя в комнате Юра, – как они обо мне заботятся! Как переживают!» И все же в глубине души шевелилось какое-то смутное предчувствие разочарования... «Что они скрывают от меня? Что не договаривают?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.